

Людмила Милевская

Моя свекровь- мимра!

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Людмила Ивановна Милевская

Моя свекровь – мымра!

Серия «Соня Мархалева – детектив-оптимистка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137929

Моя свекровь – мымра!:
ISBN 5-699-05948-2

Аннотация

Неприятности у писательницы Софьи Мархалевой начались прямо у трапа самолета. Вместо восторженных поклонников ее встретили милиционеры, и доставили в отделение милиции. Потом... униженно извинились и отпустили. Софья отправляется к своей подруге Фросе. Но здоровенные мужики затолкали ее в машину и... заставили сниматься в порно. И после всего этого отправили домой. Даже представить страшно: всеми уважаемая писательница Мархалева и где? В грязной порнухе! В голове у Софьи возник рой мыслей. Кто ее похитил? С какой целью снимали порно? Что вообще происходит с самого утра? Софья решает разбиться в лепешку, но узнать, что за дела творятся вокруг нее!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	64
Глава 7	75
Глава 8	86
Глава 9	97
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Людмила Милевская

Моя свекровь – мымра!

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Неприятности у меня начались сразу же. Припоминаю теперь, что в этом городе так бывало всегда. Однако, сходя с трапа самолета, я плохими предчувствиями не мучилась и подозрениями не страдала. Ни о чем не тревожась, я предвкушала одни удовольствия и не сомневалась, что встретят меня с почетом.

Меня и встретили.

Наручниками. Прямо в аэропорту.

Нет, не сразу. Я успела получить багаж и довольная катила его за собой – новенький чемодан из кожи нильского крокодила, дорогуший ужасно. Разорилась, ради прикола.

Катила стильный чемодан и кокетливо поглядывала на витринные стекла аэропорта, неплохо играющие роль зеркал. Я любовалась собой и особенно новым леопардовым пальто. Знаю, многие поступают иначе, но я в дорогу беру все новое, особенно если еду в провинцию: надо же задавать там столичный тон. Тем более, что в провинции зачастую одеваются так, словно живут от банкета и до банкета, словно от приема до приема коротают свободную минутку у прилавков магазинов, в прачечных, в автобусах, в метро. Там Ферре, Миссони и Версаче никого не удивишь. Во всем этом они на работу ходят.

Кстати, о работе. Однажды в местном метро ко мне по-

дошла попрошайка – девица с ребенком на руках. Так вот на ней был пиджачок из того же салона, в котором с глубочайшим отвращением одеваюсь и я. Скрою название салона, чтобы не делать подлецам рекламу – кошмар, как там дерут! То есть грабят, упаси вас бог подумать плохое – я не о сексе.

Здесь не могу не заметить: ужас, как богатеет русский язык, просто на глазах богатеет: слова обрастают двойным и тройным смыслом. Уже и фразы бросить нельзя, чтобы не брякнуть двусмысленности, так стремительно наши слова меняют значение. Куда это придет неизвестно, но все чаще и чаще приходится думать, когда говоришь, иначе сказанное приобретает неожиданно извращенное направление. Год-другой и невинные «драть», «пороть», «жарить», «парить» смело будем относить к пошлым и даже охальным. Тут же скоро отнесут и милейшее словечко «голубой», не сомневайтесь. Скоро толковый словарь Ожегова переименуют в «словарь матерных и бранных слов», вот как цинично мы стали смотреть на мир.

Но вернемся в аэропорт. Я катила дорогуший чемодан из крокодила, любовалась отпадным пальто из леопарда и с нежностью думала о себе: «До чего же я в своем вкусе! Молода, стройна и стильна! Просто повезло, что не видит меня старушка Брижит Бардо – пламенный защитник животных, будто на нашей планете больше некого защищать, будто всех людей уже защитили. Да-а, старушка-Брижит убила бы меня. Особенно за крокодила. И за леопарда. И за пояс из змеи.

И за шагреновую косметичку. Боже, сколько зверья извели ради такого животного как человек!»

Едва я об этом подумала, как ко мне подошел высокий симпатичный милиционер, очень молодой, даже юный. С обворожительной улыбкой на устах я приготовилась бодро давать автограф, но милиционер ни с того ни с сего строго потребовал документы.

«Не узнал меня, – огорчилась я, но тут же повеселела: – Еще бы! Ведь после развода с мужем я помолодела на десять лет! А после свадьбы с Робертом сбросила еще лет двадцать, не меньше!

Стоп! Это сколько же мне тогда?

Да, переборщила слегка. Но по-любому, я теперь молодоженка и изменилась неузнаваемо. Теперь меня даже соседские собаки не узнаю – лают как сумасшедшие. Не удивительно, что милиционер тоже меня не узнал».

– Попрошу предъявить документы, – строго потребовал он, о своем счастье не подозревая – не каждый же день знаменитости вроде меня попадают ему на глаза.

– Неужели вы не догадываетесь кто перед вами? – кокетливо играя глазами, спросила я.

– Догадываться я не привык, конкретно хочу это знать, – ответил юный милиционер, глядя на меня без всякого интереса.

– Ха-ха! – обрадовалась я возможности его огорошить. – Так вы еще не в курсе какое важное событие произошло в

вашем городе?

Милиционер слегка растерялся и спросил:

– Какое?

– Так слушайте, – с гордостью заявила я, элегантно отводя в сторону леопардовую полу и упираясь рукой в свое роскошное бедро, изысканно драпированное французскими шерстяными кружевами – стильный костюмчик от самого...

Впрочем, не стоит и ему делать рекламу.

Стоя в этой элегантной позе: одна рука небрежно брошена на чемодан из крокодила, другая – на кружевном бедре, я многозначительно выдержала длинную паузу и добилась своего: милиционер начал приобретать вид задумчивый и рассеянный, что очень ему шло.

– Я вас слушаю, слушаю, – нетерпеливо бормотал он, механически приподнимая фуражку и вытирая со лба капли пота.

«От меня и не таких в пот бросало! То ли еще будет!» – подумала я и воскликнула:

– Слушайте!

И, выдержав паузу, снисходительно усмехнулась, после чего с триумфом продолжила:

– Перед вами настоящая знаменитость! Наимоднейшая писательница! Скорописица даже! Строчащий русский талант! А может и гениальность!

– Да кто же вы? Кто?

– Я...

Ох уж эта молодежь, вечно она торопится – новой паузы он не выдержал и с трепетом закричал:

– Ну же! Ну!

– Не нукайте, молодой человек, меня невозможно запрячь! К тому же, я совершенно не лошадь!

– Не лошадь? А кто вы? Очень хотелось бы знать!

– Я аж целая Софья Адамовна Мархалева! – брякнула я и сразу же пожалела.

Признаться, думала он падет ниц и поцелует подол моего «леопарда», но этот сосунок в «пеленках» милиционера вдруг озверел и завопил:

– Ха-ха! Мархалева! Вас-то мне и надо, мошенница и аферистка! Хватайте ее! Хватайте!

И меня схватили!

Самым неприятным образом – как это принято у стражей порядка – на глазах у толпы. Пока я усердно перечисляла, сколько хорошего написала о внутренних органах, меня (в леопардовом пальто!) грубо и не эстетично волокли в «воронок». И толпа зевак глазела, будто я депутат или верблюд. Или Боинг-777.

Ужас!

У-жас!!!

В таких немыслимых условиях лишь невероятным усилием воли удавалось сохранять присущую мне элегантность. Поверьте, в наручниках весьма нелегко чувствовать себя неотразимой.

Впрочем, я неисправимая оптимистка. Даже от этого жуткого инцидента у меня остались приятные воспоминания, чего не могу сказать о местной милиции. Уж им-то, доблестным мужам, не забыть меня никогда. А вот я и по сию пору с умилением вспоминаю ту грациозную пощечину, которую получил господин полковник – он больше остальных меня унижал, изощренно обзывая то мошенницей, то пройдохой, а то и вовсе старой воровкой.

Ах, какую восхитительную, какую утонченную пощечину я отпустила ему сейчас же, как только сняли с меня наручники. У бедняги едва не слетела с плеч голова. Моя нежная рука легкой не была никогда, о чем с утра до вечера твердили бывшие мужья – бабники, алкоголики и лентяи, но не буду вдаваться в подробности. Мужья, они и в Африке мужья, о чем любая из вас, дорогие мои, знает не понаслышке.

Поэтому вернемся к полковнику. Долго! Долго он извинялся. Но я его не простила, так рассерженная и ушла, презрительно отказавшись от задрипанного автомобиля. Зачем мне машина, когда Фрося живет совсем близко, а я обожаю ходить пешком. Это очень полезно для моей фигуры. Я ушла. Ушла страшно ругаясь и абсолютно ничего не понимая из того, что было и что говорю.

«Черти вас всех дери!», – зло думала я, ничего сексуального ввиду не имея и как самая заурядная прохожая шагая по улице в своем роскошном леопарде и с «крокодилом» в руках – речь о сумке, которую в милиции на свою голову

тщательно обыскали.

Ха! Дюжина женских панталонов, это что-то! Эт-то тяжелая артиллерия!

А в милиции служат далеко не французы, которым все трын-трава: от бюстгалтеров до супер стрингов. Русский мужчина стыдлив и раним, оттого так тщательно и защищает матом да водкой свою тонкую душу. Бедняги-милиционеры, увидев мои панталоны, от смущения готовы были валиться на пол. Просто больно было смотреть как краснели они и бледнели.

Бюстгалтеры же мои они пережили еще болезненней – хотя, что такое бюстгалтер? Невинная вещь. Когда же дело дошло до вибратора – искусственного мужского члена невероятных размеров – бедные милиционеры окончательно обалдели и приблизились к обмороку.

– Что это? – спросил молоденький лейтенант, с нервным хихиканьем извлекая со дна сумки мой член.

Ну, в смысле не мой, а купленный мной для очень благого дела.

– Это орудие возмездия! – с нарочито зверским видом призналась я.

Лейтенантик отбросил член, как гремучую змею, и храбро рухнул на пол, остальные же схватились за оружие. Впрочем, не все, некоторые последовали примеру лейтенантика и тоже упали на пол, зажимая уши руками. Запуганные террористами, они думали, что член мой рванет.

А член не рванул, потому что был предназначен для мирных целей.

Итак, гигантский фаллос невинно лежал на столе в кабинете начальника отделения, я с гордым видом грациозно стояла в наручниках, остальные пребывали в шоке. Короче, немая сцена. Очень напряженная.

И вот в такой ответственный момент в свой кабинет вдруг вошел начальник. Вошел (почему-то) решительно и, увидев мой член, так же решительно попытался выйти, но вовремя одумался. Видимо вспомнил, что не пристало старой гвардии трусить в присутствии дамы, то есть меня – пусть я и с членом, а это, согласитесь, загадка. Крадучись приближаясь к своему столу и стыдливо отводя глаза от моего фаллоса, начальник грозно спросил:

– Что это?

– Силиконовый вибратор новейшего образца ценой в пятьсот долларов, – без запинки отрапортовала я.

Простите, приврала слегка по привычке, на самом деле член не стоил и пятидесяти.

Начальник остолбенел. Новый вопрос вылетел из его рта механически.

– Что это?!! – закричал он, и я с пафосом повторила:

– Силиконовый вибратор новейшего образца ценой в пятьсот долларов!

Судя по всему, начальнику сделалось дурно. Очевидно, он вовсе не хотел, чтобы я так часто повторяла крамольное

слово в присутствии его молодых подчиненных, этих едва оперившихся птенцов.

– Зачем вам мужской член? – спросил несчастный, покрываясь испариной.

Зачем бабе член? Согласитесь, – глупый вопрос, но я поняла его истинный смысл. Я поняла даже больше, чем начальник мог мне сказать. Полагаю, ему хотелось продолжить эту тему и объяснить мне, что дама с такими формами, которыми обладаю я, вполне может рассчитывать и на живого мужчину. Опасаясь, что не подумав, он начнет предлагать себя, я поспешила сообщить:

– Это последний крик моды. Теперь, когда у нас в Москве все мужчины норовят стать геями, женщины только этим и спасаются.

– Не может быть! – изумился начальник и в глазах его появилась несвойственная ему философская задумчивость.

Думаю, он размышлял на какое число заказать билет до Москвы.

Чтобы не вводить беднягу в разор, я призналась:

– Шутка, начальник. Мужиков хватает и у вас, и в Москве. То, что путей мало, это другой вопрос. А вибратор радиохомы с собой прихватила.

Его брови устремились к лысине:

– Ради хохмы?

– Ну да, в подарок моей любимой подруге Фросе, точнее, ее зловердной соседке. Видите ли, эта соседка настоящая

змея. Она портит жизнь моей Фросе, не дает ей бесконтрольно ступить и шагу, постоянно сует нос в ее дела, да просто за ней следит, вот я и решила отомстить этой сплетнице.

Начальник отделения насторожился:

– Каким образом?

Я усмехнулась:

– В этом смысле член – страшное оружие. Дело в том, что муж соседки патологически ревнив, вот я и решила сыграть на его недостатках. Всего лишь надо выбрать момент когда соседка поедет к портнихе. Тогда-то я и подложу в ее сумочку член, то есть, вибратор.

Тут уже изумились и остальные стражи порядка и хором воскликнули:

– За-чем?

Я не стала таиться и сообщила:

– Чтобы позвонить ревнивому мужу и поведать, что его верная жена укатила не к портнихе, а на лесбийские оргии. Естественно, я намекну и на сумочку, мол в ней притаилось розовое и очень большое. Можете представить, что подумает этот ревнивец, когда ворвется к портнихе и обнаружит там свою полуодетую жену с силиконовым членом в сумочке.

Все схватились за головы, из чего я сделала вывод, что и у милиции есть воображение.

Как я смеялась! Ах, не могу передать... Несмотря на наручники, я смеялась...

Жаль, все в прошлом. Все приятное в прошлом. Началь-

ника срочно вызвали, а вернулся он совсем другим человеком – скучным и растерянным. Недоуменно корчился, бледнел, сыпал комплиментами, похожими на оскорбления, долго лепетал слова извинения, ссылаясь на досадное недоразумение, просил меня не гневаться и оставить все без последствий...

И вот я шагаю по улице с чемоданом в руках, униженная, но непокоренная. Шагаю и теряюсь в догадках. Да и есть от чего потеряться.

«Сначала мне портят настроение, хватают, сковывают наручниками, а потом униженно извиняются, говорят что я молодая, не глядя на возраст, и глупо шутят, всячески пытаюсь развеселить.

С чего бы это?

Что вообще происходит?»

Тут мое внимание привлекло объявление под красочным заголовком: «Разыскивается опасная преступница!».

Пригляделась: «Ба! Да это я! Мой портрет!»

Но что под ним написано? Что-оо?!!

«Стало известно, что в ближайшие дни в наш город собирается приехать опасная рецидивистка – воровка, вымогательница, мошенница и аферистка Зента. Пользуясь сходством с модной писательницей Мархалевой, Зента входит в доверие к гражданам и совершает свои злодеяния под именем нашей всеобщей любимицы Софьи Адамовны.

Всякого, кто поможет обнаружить закоренелую преступ-

ницу, ждет щедрое вознаграждение в сто тысяч долларов в рублях по курсу ММВБ».

Прочитать про себя такое!

Можно представить мое удивление.

Удивление мое увеличилось, когда выяснилось, что такими объявлениями оклеен весь город. Весь путь, который мне пришлось преодолеть до дома Фроси, я удивлялась и негодовала.

Что ни столб, то объявление!

Раз двадцать меня хватали под руки и пытались грубо тащить. Еще бы, сто тысяч долларов – куш приличный!

Еле отбилась. Хорошо, что со мной был сотовый телефон. Я тут же устраивала охотникам легкой наживы переговоры с начальником милиции, после чего выслушивала сбивчивые извинения, милостиво давала автограф и продолжала свое путешествие.

А через сто шагов все заново: нападение, грубости, звонок начальнику, сбивчивые извинения...

Извинения, почему-то, всегда сбивчивые, чего нельзя сказать об оскорблениях. Оскорбления получаются четкими даже у неисправимых заик.

Короче, до дома Фроси я шла часа два. И это при том, что рассчитывала добраться минут за пять. Ох, как я злилась! Как я злилась!

На кого?

Да на Фросю, на кого же еще? Лишь она способна на та-

кой изощренный прикол. Я, обремененная связями, талантами, делами, бросаю все, мчусь по первому зову подружки и вляпываюсь в комплименты полковника, не говоря о прочем другом.

Ох, как я была зла!

Глава 2

Два часа потратить на дорогу!

Немыслимо!

А перед этим – наручники и «веселое» развлечение в отделении милиции!

Абсурд!

Абсурд и безобразие!

И это тогда, когда я настроилась на торжественный прием. На делегацию с подарками и цветами у трапа.

Ха! Как дура ждала толпу поклонников, а получила наручники! Кстати, где этот их фан-клуб? Если мои фанаты расположились в какой-нибудь дыре, удавлюсь!

Нет, это мне не присуще! Лучше удавлю их всех! Всех фанатов и Фросю!

Хороша же я в леопардовом пальто с чемоданом из крокодила, который сама и тащу, словно «челночница»...

Видимо хороша, раз так оглядываются прохожие. Но смотрят все на чемодан. Боже, когда уже я его дотащу! Вот вам и раскрученный брэнд! На первом же километре отлетели колесики, но я-то рассчитывала как раз на них, когда так безбожно чемодан набивала. Впрочем, еще больше я рассчитывала на поклонников. О-хо-хо, надеюсь, будет польза хотя бы моей фигуре.

Я страшно была зла. С этой злостью в дверь к Фросе и

постучала – у нее никогда не работал звонок. Постучала, но никто не открыл. Постучала сильнее, потом еще сильнее и, отбросив церемонии, забарабанила изо всех сил даже ногами. Барабанила до тех пор, пока на пороге не выросла Фрося.

– Ой, Со-оня! – обрадовалась она.

– Соня, вижу, ты, а не я. Я всего лишь Софья. Дрыхнешь опять?

– Да, вздремнула немного, – зевая, ответила Фрося и виновато улыбнулась.

– Зато я теперь не усну.

– Почему?

– Чем глупые вопросы мне задавать, лучше занеси чемоданы в квартиру.

Фрося удивленно уставилась на моего «крокодила» и сказала:

– Но чемодан же один.

– Зато весит как сотня и стоит, как тысяча, так что быстрее заноси.

Пока Фрося смиренно затаскивала мой чемодан и закрывала дверь, я порхнула к зеркалу и наконец-то взглянула на себя: хоть здесь все в порядке.

– Почему не восхищаешься моим леопардом? – удивленно спросила я, вспоминая про свою обнову.

– Видимо, еще не проснулась, – буркнула Фрося, непристеливо рассматривая мое пальто.

– Еще не проснулась?!

Ну как тут не возмутиться? И после этого будут мне говорить, что я раздражительна. При таких раскладах психанет сам ангел небесный.

– Ты еще не проснулась? – возмутилась я. – Твоя подруга уже успела прилететь из Москвы и побывать черт-те где, а ты еще не проснулась?

Фрося виновато пожала плечами.

– Сонечка, но что поделаешь, если ты как снег на голову свалилась? – спросила она.

Я едва не задохнулась от злости.

– Как снег на голову? И это говоришь мне ты? Ты, которая в трубку кричала, что ждешь не дожدهшься?

Слезы навернулись на мои глаза:

– Фрося, на что это похоже? Как это называется? Почему ты меня не встретила?

– Мархалева, но я ждала тебя завтра.

Я снова взбесилась:

– А объявления по городу уже сегодня расклеила!

Фрося изобразила искреннее удивление:

– Какие объявления?

– Сама знаешь какие! Не морочь мне голову! Признавайся, почему меня не встретила? Я же дала телеграмму!

– Да. Вот она, – Фрося протянула телеграмму.

Я прочла и пришла в изумление. Действительно, она права, если верить телеграмме, то я еще в Москве.

Но я-то здесь!

И уже в милиции побывала, говоря языком Маруси, вся в наручниках!

– Ладно, черт с тобой, – смилостивилась я. – Видимо, снова ошиблась.

– Да, но я уже договорилась с фанатами. Они будут ждать тебя завтра в аэропорту. С цветами, подарками и шампанским. Все как ты просила.

Фрося расстроилась.

– Ерунда, – воскликнула я. – Что нам мешает поехать завтра на эту встречу?

– Но они будут ждать у трапа.

– А мы зайдем с другой стороны. В нашей стране к этому не привыкать. И все, дорогая, хватит о неприятном. Есть хочу, – заявила я, снимая своего леопарда и взглядом приглашая Фросю полюбоваться моим французским костюмом.

Однако ей было не до костюма, она схватила за голову:

– Ты хочешь есть, а у меня в холодильнике шаром покати! Завтра с утра собиралась на рынок...

– А что тебе мешает сходить сегодня? Рынок-то рядом. И почему ты не хвалишь мой новый костюм?

– Да-да, неплохо, – рассеянно кивнула Фрося, погружаясь в размышления. – Как-то неловко тебя сразу бросать, – забормотала она, – как-то некрасиво получается: ты в дверь, а я за дверь... Но с другой стороны кормить тебя совершенно нечем.

Я наблюдала за ней и дивилась: как легко люди создают

себе проблемы и как мучительно ломают голову над тем, что и яйца выеденного не стоит. То ли дело я...

Впрочем, речь тут не обо мне – к сожалению. В конце концов Фрося растерянно уставилась на меня и спросила:

– Так что, Соня, как мне быть? Может есть смысл сходить на рынок?

Я рассердилась:

– Конечно, раз ты к моему приезду так тщательно все подъела. Беги скорей и покупай все самое вкусное. С утра мне уйму нервов вымотали, да и чемодан выкачал из меня немало калорий, так что могу себе позволить легкое отклонение от диеты. Впрочем, нет, будем сдерживаться, поэтому купи мне килограмма два еды, не больше.

– Хорошо, я быстро: одна нога здесь, другая там.

– Кому ты рассказываешь, я тебя знаю.

Схватив громадную сумку, Фрося убежала, я же распаковала чемодан, освободила в шкафу несколько полок и аккуратно разложила на них свои бюстгальтеры, панталоны и прочее. Хотела переодеться, но, передумала, решив, что Фрося недостаточно еще насладились моим французским костюмом.

Поскольку я женщина быстрая и ловкая, из тех, у которых в руках огонь, то за десять минут со всеми делами управилась. Фрося, копуша, думаю, и до лифта еще не дошла.

Покончив с делами, я огляделась. Возник естественный вопрос: «Чем бы заняться?». Словно по заказу я увидела на

мольберте картину.

Да-а, забыла сказать, моя Фрося художница. Она имела причастность к оформлению одной из моих книг. Несмотря на значительную разницу в возрасте, мы очень сдружились. Когда Фрося бывает в Москве, всегда останавливается только у меня.

Я тоже частенько к ней приезжаю, потому что люблю ее не только как подругу, но и как творца.

Она тоже меня обожает. Как известно: бездари тянутся к бездарям, а таланты – к талантам. Фрося очень талантливая художница. Талантливая и трудолюбивая. В свои двадцать шесть она достигла признания. Не подумайте, что я преувеличиваю, Фрося действительно очень талантлива.

Возможно, и гениальна.

Как всем известно, я тоже не бездарь. Мы, творческие люди, обычно умеем все. Какая разница что писать: книги или картины – нам без разницы.

В пароксизме творчества, я накинула на себя Фросину рабочую блузу, дабы не испачкать французский костюм, и, схватившись за кисти, уставилась на картину.

Мне сразу не понравился ее колорит, явно не хватало красного. С присущим мне бесстрашием принялась за дело. Высунув от усердия язык, я щедро обогащала картину красным, когда в дверь постучали. Зная повадки Фроси, я крикнула:

– Открыто!

В прихожей раздался топот, и в комнату ввалились три здоровенных мужика, настоящие мордовороты. Увидев, что я пытаюсь внести свою лепту во Фросину картину, они возмутились:

– Хорош пачкать холст!

– Что значит – пачкать? – возмутилась и я.

– А то и значит, что мы почище тебе нашли работенку, – заявил самый огромный мужик, из тех, кому возражать не хочется.

Однако я, невзирая на обстоятельства, всегда возразить готова, но на этот раз (увы) не удалось.

Нет, я пыталась им объяснить, что в этом деле (в живописи) и сама кое-что понимаю, что обойдусь без советчиков, но мордовороты слушать меня не стали. Накинув на мою голову мешок, они связали мне руки и ноги и потащили вон из квартиры. Вытащили на улицу и со страшным матом затолкали в машину.

Думаете я испугалась?

Нисколечко.

«Опять Фроська дуркует, – думала я, лежа на заднем сидении. – Известная приколистка».

В прошлом году она нашей общей подруге, бизнесменке Тамарке, письмо от любовника сконструировала – вечный зов!

И Тамарка, как дура последняя, в Турцию помелась вызывать своего обожаемого юнца с курорта для средне-ни-

щих. Вот там-то турки за девочку бабушку нашу и приняли и попытались определить Тамарку в бордель.

Бедный был бы бордель!

Преуспевающая бизнесменка Тамарка там навела бы порядок – такой же, какой она (и еже с нею) навела в нашей стране.

Пока турки пробовали престарелой Тамаркой поторговать (говорила ей, не увлекайся лифтингом своего лица!), любовник тем временем с цыпочкой (ноги торчат из ушей) на Таити балдел на «бабки» Тамаркины. А почему бы и не побалдеть!

Вот такой безобидный прикол сделала Фрося нашей преуспевающей бизнесменке. Мы с Марусей со смеху чуть ни погибли. Да что мы, вся Москва над Тамаркой смеялась.

Однако теперь, лежа в машине с мешком на голове, я чувство юмора мигом утратила. И жизнерадостность исчезла куда-то. И оптимизм куда-то ушел.

«Как надоела она, эта Фрося, со своими приколами! – злилась я зверски. – Будто ее примитивными штучками можно пронять меня, умницу и красавицу! Сразу ее раскусила, с первых же слов.

Ха, холодильник пустой!

Нашла повод смыться из дому. И теперь эти дебилы Ваньку валяют...

Ну, да бог с ними, пусть порезвятся...

Но что я сделаю им, если они покалечат мой французский

КОСТЮМ...

Даже страшно подумать!»

Вот такими благими намерениями была я полна.

Глава 3

Ехали мы довольно долго; я устала лежать в неудобной позе, связанная, с мешком на голове. Признаюсь, уже страшно злилась, нечеловечески – ведь привыкла к жизни иной.

«Не затянулась ли шутка? – думала я. – Напугали, по городу повозили, хватит, пора бы и меру знать».

Увы, выразить свое «фи» я не могла: мордовороты сделали то, чего не догадались сделать все мои мужья – рот залепили мне скотчем. Поступили мордовороты, должна заметить, весьма предусмотрительно, иначе наслушались бы они от меня такого, чего и врагу не пожелаешь. Здесь я большая мастерица, натренировалась на своих мужьях...

Впрочем, я и со скотчем уже начала вести себя очень тревожно: ерзала, крутилась, куда-то ногами била – думаю в дверцу машины.

Наконец автомобиль остановился, меня извлекли на свет белый и повели в неизвестность.

«Обратно к Фроське», – решила я.

Почувяв скорую свободу, разумеется, оживилась.

«Ох и покажу же этой зловредной Фроське где раки зимуют, пусть только руки развяжут!» – мысленно лютовала я, готовясь к ответным мерам.

Однако, свободой там и не пахло. Когда с головы моей сняли мешок, я обнаружила себя в громадной комнате,

обставленной с неприличной роскошью. Сплошное мещанство: резная мебель, хрусталь, позолота и ковры, ковры, ковры...

Впрочем, удивляла не роскошь, а обилие дверей.

Несмотря на то, что ноги и даже руки мне развязали, драться почему-то совсем расхотелось: комната, битком набитая мужчинами огромными и неприветливыми располагает к смирению. Судя по выражению их лиц, им самим ужасно драться хотелось, с трудом сдерживались.

Я притихла и подумала: «Ну-у, это Фрося явно переборщила».

И мысли нахлынули, мрачные все какие-то, щедро сдобренные сомнениями.

Пока я развлекала себя мрачными мыслями, в комнате началось движение. Мужчины взбодрились и с надеждой поглядывали на дверь. Я тоже туда посмотрела, никого не увидела, но зато услышала высокий голос, непонятно, то ли женский, то ли мужской:

– Где она? Где?

С этим криком в комнату вбежал, точнее, вкатился маленький толстенький человечек. Глаза и лысина у него блестящие, пухлые щечки горели, влажный рот нетерпеливо хватал душный воздух – верзила невообразимо потели.

– Где она? Где? – кричал человечек.

Я поняла, что речь идет обо мне и приосанилась, желая сразить его своей красотой.

На кой ляд этот человечек мне сдался, было совершенно не ясно, как не понятно было, зачем мне, умнице и красавице, понадобилось стараться ради такого урода.

Но я приосанилась, как это ни смешно. Даже просторную Фросину блузу приподняла, чтобы продемонстрировать ему свою фигуру, да и французский костюм заодно. Такое со мной происходит постоянно: сколько живу, столько пытаюсь кого-нибудь собой сразить. И, что удивительно, не надоедает.

Однако человечек оказался неблагодарной свиньей. Игнорируя мои старания, он брезгливо поморщился и недовольно спросил у верзил:

– Что, не могли привезти помоложе?

Я и возмутиться не успела, как верзилы бросились меня защищать.

– Не кобенься, – сказал человечку самый громадный из них, – ты что, ослеп? Только глянь, какая отвальная бикса!

– Не дева, но хороша, – поддержал его и второй, самый интеллигентный из всех верзил.

У него у единственного не было в глазах той характерной пустоты, которая объединяет мужчин такого сорта и рода. Более того, лицо его озарялось, порой, самой неподдельной, настоящей прям-таки мыслью.

– Да, не дева, – повторил он, – но зато какой шик, шик во всем, и в мимике, и в походке.

Я изумилась: «Как он узнал? Я же лежала лицом в меш-

ке!»

Изумился и человек. (Вот подлец!)

– Да где же шик? – взвизгнул он.

– Да ты шо? – обиделся за меня Интеллигентный. – Со всем, гад, слеп? А фигура? А все остальное?

Мне бы здесь разобидеться: разглядывают меня, как корову на ярмарке, я же, глупая, подарила Интеллигентному свою самую ослепительную улыбку (из тех, что всегда в запасе держу) и шепнула:

– Приятно, что вы разбираетесь.

– А то! – самодовольно осклабился он и добавил такую нецензурщину, что до сих пор горит лицо, когда вспоминаю ту гадость, хоть и истина она настоящая.

Зато человек задумался – правда, безрезультатно.

– Старье, оно и есть старье, – в конце концов сказал он, но верзилы его слушать не стали и хором возмутились.

– Много на себя берешь! – загалдели они. – Есть заказчик. Ему видней. Он платит, значит знает за что. Тебе-то какая разница?

Человек, увидев их гнев, согласился.

– Да, мне без разницы, – сказал он. – Раз эту заказали, значит эту и будем лишать.

И из комнаты вышел, абсолютно не прояснив, чего лишать меня (умницу и красавицу!) собираются – вроде как всего, чего можно, давно уж добровольно лишилась. Почему добровольно, спросите вы? А как же, сама ведь жила эту жизнь,

не заставлял же никто – в результате одни потери, одни потери! А тут снова собираются чего-то лишать!

В общем, запаниковала я. Все выглядело так натурально, что становилось ясно: это не розыгрыш Фроси, не ее это прикол, а самая настоящая действительность. Я бы сказала даже, наша действительность, российская.

Едва я это поняла, как сразу начала чувств лишаться. В висках застучало, колени подогнулись, еле живая стою, а в голове одна только мысль: «Меня заказали! Господи! Заказали! За что? А я-то надеялась, что это прикол».

Невозможно передать как тяжело я расставалась с последней надеждой, как грустно было осознать, что Фрося здесь ни при чем. Как я могла сердиться из-за приколов? Приколы – чудесная штука! Я уже молила Бога, чтобы он послал мне прикол, чтобы этот кошмар оказался розыгрышем. О, как я молила, да где там, Бог меня не услышал.

В комнате, между тем, воцарилось молчание – тишина стояла кладбищенская. Верзилы скучали, я коченела от страха. Нервы мои были так напряжены, что когда зазвонил мобильный, я с диким визгом подскочила метра на полтора, но машинально попыталась извлечь телефон из кармана.

Вот что значит привычка!

Но, к сожалению, это был не мой телефон. Интеллигентный верзила приложил трубку к уху и бодро гаркнул:

– Да, батя, она давно здесь.

Видимо «батя» интересовался в чем заминка, кстати, это

же интересовало и меня. Интеллигентный верзила прояснил обстановку.

– Ждем партнера, – сказал он. – С минуты на минуту прибудет.

Я призадумалась и даже больше того.

«Партнер – это кличка или состояние?» – истерически гадала я, чувствуя, что от этого зависит вся моя дальнейшая жизнь, если она у меня еще есть, жизнь дальнейшая.

Вскоре выяснилось, что партнер – это состояние. Прибежал мужчина (в спортивных штанах и в майке-борцовке) и важно заявил, что он партнер и зовут его просто Арнольд. Верзилы презрительно ухмыльнулись, а я напряглась еще больше, тревожно своей участи ожидая.

Партнер, должна сказать, был ничего. Особенно вышел фигурой: качок еще тот. Будь он помоложе, я, пожалуй, пошла бы и на роман.

Впрочем, возраст не самый большой недостаток, были у него недостатки похуже: гуттаперчивость и шарнирность. На месте, бедняга, не мог устоять. Даже больно было смотреть на него: дергается, мускулами поигрывает. Залетел в комнату и прямоком ко мне. Я опять (ну вы знаете) приосанилась, зачем-то желая и этого сразить наповал. Он смерил меня очень мужским взглядом и презрительно протянул:

– Фиии!

Верзилы напряглись похлеще меня и с угрозой ему завопили:

– Что – фиии?

– А то, что не подходит она, – заявил Арнольд и еще раз смерил меня очень мужским взглядом.

Я ответила ему женским и на всякий случай сказала:

– Урод.

Но, увы, он не услышал, ему было не до меня: на него наступали мои похитители и защитники в одном лице – точнее, лиц было много и все они были поборники справедливости, хоть и мерзкие хари.

– Ты кто? – кричали верзилы, грозно потирая свои кулаки. – Партнер ты или не партнер?

– Я партнер, – мгновенно согласился Арнольд.

Верзилы успокоились.

– А она партнерша, – почти ласково сказал Интеллигент. – Она – партнерша, ты – партнер, следовательно не кобенься.

«Вот оно что! – прозрела я, не зная ликовать или плакать. – Так он мой партнер! Если мой, то в чем?»

Арнольд, между тем, призадумался. Верзилы опять напрыглись.

– Знаешь что, – возмутился самый громадный, – ты, пацан, тут в распытие не впадай. Дело есть дело. Это работа твоя, и совсем не сложная. В конце концов, бабки отстегивают за то, что я и даром бы делал.

Я окончательно запаниковала: «Что этот гоблин мне делал бы даром? Надеюсь, не дырки в моей голове?»

Пока я паниковала, Интеллигентный рассвирепел.

– Хватит уламывать недоноска! – взревел он и тяжело посмотрел на Арнольда. – Раз эту бабу нам заказали, значит выбора нет. Батяня звонил, заказчик уже понтуется, весь на изменах, так что резину тут не тяни. Выполняй, бля, заказ!

– Фиг с вами, – согласился Арнольд, и у меня подкосились ноги.

«Господи! Неужели гибель моя пришла?!» – подумала я, уже не надеясь дожить до развязки, так от страха к смерти была близка.

Казалось вот-вот испущу дух без всякой посторонней помощи.

«Господи! Господи!» – стучало в моих висках.

К Всевышнему обратился и мой партнер.

– Господи, – с укором глядя на верзил, сказал он, – помоложе не могли привезти. Неужели мне с таким антиквариатом придется заниматься сексом? Кому рассказать, не повесят.

Я мгновенно вернулась к жизни и завопила:

– Что-оо? Сек-соом?

– Конечно, – подтвердили верзилы, – а для чего еще мы тебя сюда привезли? Не похоже, что ты на другое способна.

– Так вы не будете меня убивать? – на всякий случай уточнила я.

– Нет, не будем, – заверил интеллигентный верзила.

Иногда я бываю придиричива, потому и спросила:

– Почему?

Интеллигентный меня просветил:

– Не заслужила пока.

«Ну это я быстро у вас заслужу!» – подумала я, но промолчала.

Глава 4

Так уж устроен человек: не ценит того, что имеет. Как только выяснилось, что убивать меня не собираются, сразу обнаружились и другие проблемы.

Тем более, что речь о сексе зашла – здесь я чрезвычайно разборчива. Разумеется, стало ужасно обидно, что предложили мне – МНЕ! умнице и красавице! – такого недостойного партнера.

Если честно, когда думала, что меня собираются жизни лишать, жутко испугалась, но теперь пришла в еще больший ужас.

«Легче умереть, чем переспать с этим уродом», – мгновенно решила я и завопила:

– Убейте меня! Лучше убейте, чем мучить!

Верзилы опешили:

– Ты что, баба, сказалась?

Партнер тоже оторопел.

– Что с ней? – спросил он у верзил.

Но я сама его просветила.

– Урод, ты в отцы мне годишься! – гордо заявила я, и он (какой неженка) пошел красными пятнами.

Чтобы окончательно его добить, я пояснила:

– А мой бывший муж, пожалуй, сгодится тебе и во внуки. Лучше вены себе перережу, чем лягу с таким на одну кро-

вать!

И на всякий случай я завизжала тем дурным голосом, которым пугала всех своих бывших мужей.

Однако, добилась совсем не того, чего от мужей получала. Парнер, как ни странно, от визга пришел в себя и обнаглел. С чувством превосходства он посмотрел на меня, но обратился к верзилам.

– Бабенка завалит все дело, – сказал он. – Зря думаете, что это легко. Это искусство, приходится тщательно выверять движение каждое, а вы предлагаете мне психопатку.

Верзилы за меня по обычаю встали горой.

– Никакая она не психопатка, – возмутился самый огромный, – просто ты, Арнольд, не в ее вкусе. Не обижайся, ты качок и все прочее, но, будь я бабой, еще не так заорал бы, сосватай мне кто тебя.

Услышав это, я попыталась издать вопль отчаяния прежнего пострашней, но поперхнулась, закашлялась и вынуждена была вести себя тихо.

– Видите, – сказал партнер, – у нее явный непорядок с мозгами: то кричит, то молчит.

– Бабе мозги совсем не нужны, – философски заметил Интеллигентный. – Баба другим местом сильна.

– Оно так, – согласился партнер, – но при снятии нашей порнухи нужны крепкие нервы, эта же – настоящая истеричка. Разве может она трахнуться гениально?

– Гениально я все могу! – с гордостью начала я, но тут

случайно вдруг поняла истинный смысл сказанного презренным партнером.

А я еще собиралась быть паинькой. Мои благие намерения как корова слизала.

– Что-ooo? – завопила я тем самым голосом, которым собирался вопить верзила, будь он бабой вместо меня. – Так речь идет о грязной порнухе?! Вам втемяшилось снимать меня в порно?!

И я поступила как порядочная женщина: саданула своему партнеру коленом между ног и попыталась выпрыгнуть в раскрытое окно.

Но не успела: верзилы меня схватили и... устыдили.

– Ну-у, что ты, глупая, в распытие так впадаешь? – добродушно распекал меня Интеллигентный, со злорадным сочувствием глядя на коченеющего от боли Арнольда. – Вон, мужика до тоски довела, а ведь ему еще предстоит этим органом важным работать на благо нашего дела.

– Это мой самый рабочий орган, – сквозь зубы выдавил Арнольд, страстно сжимая срамное место руками. – Будешь, сука, платить мне пенсию по инвалидности, – пригрозил он, не зная, что я платить не умею.

С детства я не привыкла платить.

– Зачем платить, – ответила я, – если в нашей стране хватает того, что плохо лежит. Нагнись и бери бесплатно.

Здесь я помянула свою бизнесменку-Тамарку, которая воровством пирожков в школьном буфете проложила себе до-

рогу в светлое будущее, наступившее для нее сразу же, как нашу страну скоростно скрутила рыночная демократия. Тамарка была в первых рядах тех, кто с демократическим свободолобием превращал нашу страну в рынок, типа базар. Натренировавшись на пирожках, она потянула из закров родины такие богатства, каких там, казалось, и не было. Теперь Тамарка владелец заводов, газет, пароходов...

Говорила я вдохновенно, как всегда говорю, осуждая по-друг. Верзила умнели на глазах и слушали меня с неослабевающим интересом, а вот Интеллигентный с чего-то вдруг поглупел и взбунтовался, рывкнув:

– Молча-ать!

Разумеется, я не замолчала, поспешно сообщив, что Тамарке плевать на долги – суды она все купила.

Интеллигентный махнул на меня рукой и не на шутку встревожился, глядя на синеющего Арнольда.

– Что, братан, и в самом деле так плохо? – спросил он. – Неужели работать не сможешь?

– Да работать-то я смогу, член в моем деле не главное, – весьма противоречиво успокоил его Арнольд, будто забыл, что совсем недавно утверждал обратное. – Работать я буду, только не договаривались мы так. Не знал я, что мне подсунут дикую стерву. Партнерша опасна. За риск надо платить. За травму тоже.

– А-аа, вот ты о чем, – успокоился Интеллигентный. – За травму доплатим как за производственную. Риск еще выше

оценим.

Я возмутилась:

– Ему, развратнику, значит, доплатите! А мне, порядочной женщине, как же?

– Ты тоже в обиде не останешься, – туманно заверил меня самый огромный верзила, очнувшись от повести про Тамирку.

Терпеть туманностей не могу – я повторила попытку бежать. С криком «я не такая!» бросилась к окну, и опять неудачно. Меня снова схватили и поволокли к двери, за которой (я не сомневалась) была съемочная площадка.

– Ни за что! Никогда! Даже и не надейтесь! – вопила я, храбро и не жалея французского костюма отбиваясь от пятерых верзил.

Клянусь, они уже раскаивались, что связались со мной. Царапалась и лягалась я так, будто делала это последний раз в жизни, они же обращались со мной осторожно, поскольку боялись повредить мой «фэйс», как выразился Интеллигентный – видимо, полиглот и большой любитель английского.

– Никогда! Ни за что! – страшно орудуя ногтями, вопила я.

– Тихо, тихо, – уговаривали они.

В конце концов верзилам надоело. Самый огромный воскликнул:

– Мы заплатим тебе, черт возьми!

– Платите, сволочи, в евровалюте! – заявила я, мгновенно

стихая.

Меня отпустили.

Ну, в «евро» не в «евро», но Интеллигентный отслюнявил дрожащей рукой триста долларов и мрачно протянул мне купюры.

Три жалкие бумажки! Я рассмеялась ему в лицо.

– Да-аа? – удивленно пропел Интеллигентный и отслюнявил еще две.

– Здесь не панель, – сказала я, твердо решив вцепиться в рабочий орган Арнольда бульдожьей хваткой сразу же, как предоставится случай.

Интеллигентный тревожно взглянул на часы, сокрушенно покачал головой, вздохнул и отслюнявил еще две бумажки.

– На, зараза, бери и больше просить не смей, – процедил он.

Я удивилась:

– С чего это вдруг?

– Больше у меня нет с собой, – буркнул Интеллигентный, нахально запихивая обратно в карман толстенную пачку «зеленых».

– Как нет? – возмутилась я. – Как это нет, когда глаза у меня на месте.

– Пока, – уточнил самый крутой, чем насмешил Арнольда.

Мой партнер просветлел, представив меня безглазой – на строение у него поднялось.

У меня же, напротив, совсем «опустилось», но виду я не

подала.

– Чем глядеть на тебя, лучше и вправду родиться слепой, – небрежно бросила я Арнольду и обратилась к жлобу-Интеллигентному: – «Бабки» гони. Работать я не привыкла, даром – тем более.

– «Бабок» нет у меня, – нагло ухмыляясь, ответил он.

– А что в карман положил?

– То не мое, то пахана.

Я рассудила: «Пахан он потому и пахан, что с ним не договориться».

– Фиг с тобой, – согласилась я, тщательно укладывая то, что урвала, за лиф комбидреза и не собираясь добровольно расставаться с этим ни при каких обстоятельствах.

Выполнять прихоти верзил и партнера я тоже не собиралась, но об этом умалчивала, кротко и глупо похлопывая глазами.

Таких дур мужики обожают, поэтому верзилы вздохнули с облегчением и расслабились, да поспешили – не знали они, что я за штучка. Вдруг одна из дверей распахнулась, оттуда выбежал маленький человечек и пропищал:

– К съемкам все готово.

Демонстрируя супер реакцию, я сразу вцепилась в «фэйс» крутого верзилы – он ближе стоял.

– Никогда! Никогда! – визжала я, безбожно царапаясь и лягаясь.

А зачем себя ограничивать, раз уж так повезло, что и я

попала в неприкасаемые – не все же одной Тамарке иметь привилегию так беспредельничать и борзеть, что даже самый отъявленный чиновник (взяточник, мерзавец и плут) тронуть ее не смеет – боится руки испачкать.

До Тамарки, разумеется, мне далеко, но и я беспредельничала как могла, пользуясь тем, что мой «фейс» верзилам жизни дороже: и ногтями орудовала, и каблуками молотила куда ни попадя и выражений при этом не выбирала.

Верзилы пришли в отчаяние. У Интеллигентного крошка летела с зубов, но он взял себя в руки и терпеливо начал меня уговаривать, словно маленькую.

– Ну чего ты боишься, дурочка? – увещевал он. – Ты же баба. Секс – дело конкретно твое, тебе дело привычное. И не пыльное, мы же не картошку сажать тебя заставляем.

Много чего говорил, но я оставалась неумолимой – такой выдала им концерт! Бенефис еще тот!

Маловато, жаль, зрителей было.

– Удавлюсь, а на промискуитет не пойду! – дурным голосом вопила я, сражая верзил эрудицией. – В моногамности выросла в ней и умру! Что скажет мой восемнадцатый муж?! Что скажут единственные подруги, соседи?!

Верзилы опешили и изумились.

– У нее есть муж! – закричал самый огромный. – Про это базара не было.

– Хорошо, что муж. Так даже прикольней, – успокоил его Интеллигентный и пояснил: – Больше кипешу будет.

– Ах, так! – разъярилась я и активизировалась нечеловечески, удивляя верзил и радуя себя потрясающим здоровьем. И энергией.

Есть еще порох в пороховницах, а свекровь все пилит меня, что я уж не молода – такого шороху я не производила даже в двадцать пять лет – дай бог здоровья и моему третьему мужу, если он еще жив.

Или четвертому? Или пятому?

Впрочем, неважно. Речь не о том.

Хочу сказать о партнере. Партнер мой очухался от удара и, скрестив на груди руки, с наслаждением наблюдал за премьерой своей потенциальной коллеги, то бишь меня. Было видно, что о женской чести он где-то слышал, но не ведал, что ею так дорожат. Мои боевитость и здоровый азарт его ублажили, партнер улыбался. Сокрушая верзил, я краем глаза за ним наблюдала и мысленно констатировала, что он уже симпатизирует мне, а значит не держит зла. Радовало меня и его спокойствие, поскольку в недрах сознания я готовила партнеру сюрприз. Люблю контрасты. Чем спокойней сейчас он, тем громче будет орать потом, когда я вцеплюсь ногтями в...

Короче, меня радовало его спокойствие. А вот за верзил порадоваться я никак не могла. Уже с огромным трудом они держали себя в руках. В конце концов рассвирепел даже милага Интеллигентный.

– Как хотите, – заявил он безвкусно, – но я эту стерву сейчас пристрелю!

– Так бы сразу и говорили, – ответила я, мгновенно обретая спокойствие.

«Пора бы уже осуществить свое коварное намерение да вцепиться в рабочий орган Арнольда», – подумала я и, решительно оттолкнув верзил, сама бодро вошла в распахнутые двери.

Вошла и остановилась...

Глава 5

Комната была пуста. Во всяком случае, никакой кровати я там не обнаружила. Лишь дорогая видеокамера стояла на штативе в углу да несколько стульев расположились перед темной потрепанной шторой.

Я растерялась:

– Где же мне раздеваться?

Верзилы пришли в изумление:

– Раздеваться?!

– Ну да.

– Зачем?

– Как – зачем? – рассердилась я. – Мы что же, одетые будем порно снимать?

Маленький человечек вдруг психанул – бывают же такие уроды.

– Вы что, ничего ей не рассказали? – взвизгнул он и давай убиваться: – Нет, так невозможно! – вопит. – Никаких условий нет для искусства! В такой пошлой обстановке я не могу свои шедевры творить!

– Шедевры? – рассмеялась я. – Со мной вы собрались творить шедевры? В сексе? В скучном постельном деле? Ха! Слышали бы это мои мужья! Сдохли бы со смеху! Все двадцать? Или тридцать человек, сколько там их было? Мелочей я не помню.

Человечек обиделся.

– Почему они сдохли бы? – капризно оттопыривая губу, спросил он. – Почему сдохли бы со смеху?

– Да потому, что шедевры творить я могу только в скандале, чем и занимаюсь с утра до вечера. В постели же я отдыхаю.

Верзилы переглянулись.

– Отдыхаешь? Каким образом? – поинтересовался Интеллигентный.

– Как все жены: лежу, будто бревно, на потолке мух считаю, гадаю, не пора ли нам делать ремонт. Но чаще сплю, вижу сны эротические, знаете ли такие-эдакие сны...

Верзилы открыли рты, партнер заржал, а человечек взбесился.

– Зачем она все это нам тут рассказывает? – зло и растерянно спросил он у верзил.

Те равнодушно пожали плечами. Пришлось мне самой за них отвечать.

– За тем, – закричала я, – чтобы вы знали: для секса я слишком порядочная. За тем, чтобы вы не повторяли ошибок моих мужей и не слишком рассчитывали на меня в смысле постели. Сделайте первые кинопробы, посмотрите и подумайте хорошенько, стоит ли переводить на меня время и пленку.

Человечек начал задумчиво грызть ногти, я же подошла к видеокамере и сделала вид, что собираюсь раздеться. Человечек

вечек ужаснулся и завопил:

– Что она делает?! Сейчас же прекратите! Здесь вам не бардак!

– А что же здесь? – искренне удивилась я, вполне составив мнение о доме, где нахожусь.

– Здесь приличное место, – пояснил партнер. – И вас никто не собирается в самом процессе снимать.

– Да-да, – поддержал его человечек. – Дилетантов я не терплю, особенно в таком важном виде искусства.

Верзилы дружно заржали. Слава богу, до них, наконец, дошло.

– Ты что, в натуре решила, что тебе доверят порнуху? – спросил самый огромный. – Ты еще на групповуху, блин, замахнись.

– Ну да, так и думала, что раз порно, значит групповичок, и я первая в списке. Неужели вы из списка меня уже вычеркнули? – с ревнивым волнением поинтересовалась я.

– Тебя туда не заносили, – ответил огромный и поразился: – Ну и баба! Чего хочет, не знает сама.

– Ну да, я обычная женщина, – согласилась я и обиделась: – А почему это не занесли меня в список участников группового секса? Чем другие достойней меня?

Интеллигентный меня просветил:

– Да ты нам всю «малину обхезаешь».

Я рассердилась:

– При чем здесь ваша малина?

– При том, – ответил самый огромный. – Это тебе не картинки, бля, малевать. В порнухе настоящий талант потребен. Снимем щас несколько поз в чем стоишь, чтобы компьютерщики могли твою рожу куда надо приделать, а дальше профессионалка работает.

Человечек оживился:

– Да-да, я работаю только с профессионалами. К тому же, мне не подходит ваша фигура.

– Да как она тебе подойдет, – озлобилась я, – когда ты вообще гомик.

Признаться, думала он (капризный) разозлится и всех нас: и меня, и верзил на три буквы пошлет, он же с гордостью согласился:

– Да, я гомик, чего желаю и вам.

– Ну спасибо, – ответила я, – и без ваших желаний с трех лет только мужчинами интересуюсь. Правда, сама не знаю зачем.

Верзилы хором заржали, а партнер озабоченно посмотрел на часы и спросил:

– Так мы работаем? Времени у меня в обрез, через час должен быть в главной студии.

Человечек захлопал в ладоши:

– Все! Все! Работаем! Работаем! Посторонние из помещения вон!

Верзилы послушно вышли из комнаты, я попыталась увязаться за ними, но партнер мне путь преградил. Дверь за-

хлопнулась; я растерялась:

– И что прикажете делать?

Человечек направился к видеокамере.

– Вам ничего делать не надо, просто стойте, – сказал он и обратился к партнеру: – Арнольд, начинай, дорогой, потихоньку.

Арнольд искусственным движением сбросил майку и неистово прикусил губу. Страстно закатывая глаза, он медленно пошел на меня.

– Стоп! Стоп-стоп-стоп! – завопил человечек и пришел в отчаяние: – Не-ет, я так не могу! Почему эта баба стоит?

Баба?! Я рассвирепела:

– А что я должна, по-вашему, делать? Вы сами мне велели стоять!

– Но не с таким же дурацким видом. Кто во время любви так таращит глаза?

– Еще и не так таращат, – поделилась я жизненным наблюдением.

– Может быть, но мне все это противно. Натурализма терпеть не могу. Я весь в искусстве.

– И что прикажете делать?

Человечек топнул маленькой ножкой:

– Не знаю, что угодно, но только не то, что вы делаете, и не по-дурачки.

– Прикрой глаза, – нервно поглядывая на часы, посоветовал мне Арнольд.

Я плюнула и прикрыла. Естественно, сразу лишилась возможности наблюдать за партнером. А в комнате, между тем, интересное нечто происходило. Нечто такое, что нравилось человечку. Он радостно приговаривал:

– Хорошо, хорошо, дорогой, ты гений, Арнольд, ты гений не только в постели.

Любопытство одолело меня, я открыла глаза и разочаровалась. Арнольд в спортивных трусах стоял на стуле и каким-то странным образом лениво витал надо мной. Вдруг он состроил дикую рожу, издав рев молодого быка, вступившего в первый брачный сезон. Я обалдела и, как последняя идиотка, открыла рот.

– Оч-чень хорошо, – сказал человечек. – Вы весьма эротично на него посмотрели. Ну все. Думаю, хватит. Одевайтесь. Впрочем, что это я? Вы же не раздевались.

– Вот именно, сами не дали раздеться, – с обидой напомнила я. – Между прочим, сгруппили. Но, что о том, все в прошлом, как и моя фигура.

Человечек колдовал над камерой и не обращал на меня внимания.

– Съемка закончена? – уточнила я.

Он безразлично кивнул.

– И что я должна теперь делать?

Человечек пожал плечами:

– Что хотите. Вы мне не нужны.

– Вы мне тем более, – буркнула я.

– Значит мы оба свободны, – благодушно пропищал человек.

Я обрадовалась:

– Значит можно идти?

– Конечно идите.

– А куда?

– Я вас провожу, – сказал Арнольд, неожиданно переходя на «вы».

Он взглянул на часы и, торопливо натягивая майку, порадовался:

– Прекрасно, еще успеваю в главную студию. Поспешите за мной.

Не будь душой, я поспешила. Вышли мы не через ту дверь, в которую вошли с бандой верзил, а через другую. Попали в пустую комнату, судя по всему, играющую роль прихожей. Арнольд полез в шкаф, достал теплую куртку, штаны, натянул это все на себя и удивленно воззрился:

– На кого вы похожи!

Я оглядела себя, несуразно облепленную рабочей Фросиной блузой, и рассердилась:

– В чем дело? Что вас не устраивает во мне?

– Где ваше пальто? – с ядовитой усмешкой поинтересовался Арнольд.

– Дома, – ответила я и задумчиво уточнила: – У подруги. Меня привезли на машине.

Арнольд опять усмехнулся:

– Ясно. После того, что вы вытворяли, вряд ли вас повезут обратно.

– Того же мнения, – впервые согласилась с ним я.

Он растроганно вздохнул и промямлил:

– Ну что ж, пойдемте, раз навязались на мою бедную голову.

Голова его и в самом деле была небогата по части волос, о чем я сразу ему сообщила. Арнольд грустно взглянул на меня и признался:

– Как вы мне надоели.

– Сорок лет прекрасно жила без вас, – с гордостью сообщила я, утаив год-другой.

– Так много? – поразился Арнольд. – Я думал, вам не больше двадцати девяти.

Я обиделась:

– Что ж тогда антиквариатом меня обзывали?

– В нашем деле двадцать девять – возраст запенсионный, – пояснил Арнольд, забегая вперед и галантно распахивая передо мной дверь.

Мы вышли из дома, и я сразу поняла, почему он ядовито усмехался отсутствию моей верхней одежды: на улице был собачий холод, а мы явно находились далеко от Фроси, где-то за городом.

– Что же мне делать? – спросила я, сжимаясь под порывами ледяного ветра и совсем не надеясь на свой французский костюм и рабочую блузу Фроси.

– Я на автомобиле, – сжалился он. – Если хотите, могу подвезти.

– Он еще спрашивает! Конечно хочу! – обрадовалась я.

Арнольд на своем авто (рухляди такой не видала!) довез меня до дома Фроси и умчался, я же, ругаясь на чем свет стоит, потопала к квартире подруги. В голове рой мыслей. Что это было? Кто похитил меня? С какой целью снимали порно? Почему отпустили?

А ну как творчество лысого человечка увидит кто-нибудь из читателей!

Из моих читателей!

Нет, внешне Арнольд вовсе не плох, лишь из вредности его я ругала – но волновало меня на тот момент нечто другое. Представить страшно: всеми уважаемая писательница, певец нравственности – Софья Мархалева и где? В грязной порнухе! Стыд и срам!

Вспомнив про своих строгих читателей, я по-настоящему пришла в ужас – даже про мужа забыла. Впрочем, мой Роберт живет в науке – за формулами своими он может и не заметить, что это именно я голой скачу на экране. Если он вообще еще помнит какая я голая, если еще не забыл, что я, Софья Адамовна Мархалева, его родная жена.

Нет, с Робертом все очень просто – гораздо сложнее с читателем: вот кто все подмечает и уж точно помнит мое лицо. Конечно, читатель-то видит меня почаще чем муж – муж телевизор не смотрит и не слушает радио, а я загрузила собою

почти все каналы и весь эфир. Как говорится, из утюга лишь не выскакиваю.

«Какой кошмар, – страдала я. – Какая беда! Все пущено на самотек! Черт знает кому эти верзилы теперь лицо мое предоставят...

Доверия и к лысому человечку нет у меня. Один бог знает какую он подберет мне фигуру. А ну как приделает торс Шварцнегера?

Гомик есть гомик, ясно какой его вкус. Да и все эти порно звезды зачастую так бывают уродливы, будто взялись бороться с пороком: если кому чего и хотелось, так, взглянув на звезду, расхочет грешить в тот же миг.

Ай-яй-яй, как все плохо!»

Признаться, я не на шутку загоревала. Больше всего удручало то, что не могу самолично выбрать себе дублершу. Так, вся в печали, к подруге своей и ввалилась.

Фрося была уже дома. Увидев меня, чертовка обрадовалась и бросилась целоваться.

– Сонечка, милая, – твердила она, – как хорошо, что ты вернулась! Как же я волновалась!

Должна сказать, что я не только переживала из-за фигуры дублерши, но и другими полезными делами была занята, пока добиралась до города из вертепа. К примеру, анализировала происходящее.

В результате, пришла к выводу, что схватить собирались Фросю, а не меня. Ведь верзила ясно сказал: «Это тебе не

картинки, бля, малевать, здесь настоящий нужен талант». Следовательно, бандиты приняли меня за художницу. Да и блуза рабочая была на мне, и стояла я у картины, и схватили меня прямо в доме у Фроси...

Волосы зашевелились на голове и мороз продрал кожу, когда я отчетливо поняла, что через эту ужаснейшую процедуру должна была пройти моя Фрося, чистая, юная. Ладно я, бывалая баба, как говорится, обремененная дурыю и опытом. Меня трудно обидеть – если надо, кого хотите сама изнаситую, что не раз и случалось, в переносном, конечно, смысле.

Да, что там греха-то таить, и в прямом смысле бывало...

Но это все я, а вот Фрося...

Я самовольно решила: «Нет, Фрося для порно не создана!»

Давая себе страшные клятвы молчать о таинственном происшествии, как бы ни хотелось разболтать все прямо с порога, я ввалилась в квартиру подруги.

Да-да, я пошла на жертву такую – решила молчать, что для русской нормальной бабы смерти подобно, и каково же было мое удивление, когда Фрося заговорила сама о моем происшествии.

– Сонечка, – едва ли не плача, закричала она, – я решила, что ты уже не вернешься!

– Почему это – не вернусь? – слегка настораживаясь, спросила я.

– Как – почему? Да потому, что я дура! А ты – самая луч-

шая!

Против такого расклада я ничего не имела – я с ним согласилась, а Ефросинья продолжила:

– Сонечка, ты обиделась и очень права! Ожидая тебя, я о многом подумала и решила, что я негодяйка. Ты слишком доверчива, я не имела права так забавляться. Мой прикол слишком жесток.

Разочарованно ахнув, я подивилась:

– Так это был всего лишь прикол?

– Прикол, – стыдливо потупившись, призналась она. – Мой идиотский прикол. Ничего не могу поделать с собой, такой у меня накопился протест против богатых и самовлюбленных дураков... Ой, прости, против людей. Но этот прикол особенно идиотский, если учесть твой возраст и твою популярность.

– Это жестоко, – проямлила я, не желая свыкаться с противной мыслью, что не увижу себя никогда в забойном групповичке.

Это же счастье, купаться в грехе, сохраняя сугубую нравственность – мечта любой женщины: грешить и считаться святой. И со мной такое едва ни случилось. Но теперь мечта остается только мечтой. И виною тому моя Фрося.

– Что ты наделала, – пригорюнилась я. – Такая надежда и... Все прахом пошло. Это очень жестоко.

Фрося, сложив молитвенно руки, призналась:

– Возможно, я так поступила из зависти. Каюсь и абсо-

лютно согласна с тобой: это очень, очень жестоко. И мерзко.

Я вспомнила Арнольда – по дороге в город мы беседовали с ним о... цветной капусте.

«Оказывается в свободное от порно время Арнольд занят своим огородом, – прозрела я во время его рассказа, – огородом, на котором выращивает всевозможную капусту».

Здесь же я вспомнила знакомую проститутку, которая бежала в детский сад за ребенком прямо с панели, а потом вела свое любимое чадо в музыкальную школу на скрипочку – мальчику пророчили великое будущее на музыкальном поприще. Ничего удивительного, его мать тоже была талантлива, в своем, разумеется деле. Вот как жестока бывает жизнь.

Арнольд своими положительными качествами растрогал меня до слез. Он сразу стал мне симпатичен. Прекрасный семьянин, огородник. Милый, милый Арнольд. За малым не дала ему свой «телефончик».

А теперь выходит, он вовсе не милый, этот Арнольд – он не работник порока и врал про капусту.

Я действительно слишком доверчива. Даже глупа.

Хорошо, что не знает об этом свекровь.

Впрочем, как же не знает, если она-то твердит об этом моему муженьку ежедневно – хорошо, что Роберт в науке и никого не слышит...

– Я поступила жестоко! Жестоко! – убивалась тем временем Фрося.

– Ну почему – жестоко, – сказала я, вспоминая красивое

и благородное лицо Арнольда и его потрясающие бицепсы. – Все было очень смешно. Даже не знала, что ты у нас выдумщица.

Фрося перестала убиваться и от радости даже подпрыгнула.

– Соня! Так ты не сердишься? – набрасываясь на меня с поцелуями, спросила она.

– Не сержусь, и даже высоко твой прикол оценила. Ты так правдоподобно это устроила. Была минута, когда даже я попалась на вашу удочку: за чистую монету все приняла.

Мысленно уносясь в прошлое, я на себя рассердилась.

– Да что там минута, – досадливо морщась, воскликнула я, – скажу больше: до самых последних секунд, пока ты мне не призналась, думала, что все это правда.

– Да? – пискнула Фрося.

Я ужаснулась:

– Да! Старая дура! Что это прикол, уже тогда могла бы заметить, когда мне не дали раздеться. И когда я про мужа им ляпнула. Как они удивились! А все потому, что ты не знаешь еще, что я опять вышла замуж.

– Ты вышла замуж? – не поверила Фрося.

– Вышла и, как всегда, очень удачно.

– Кто же он?

– Мой муж перспективный ученый, весь мир его рвет на части. Поверь, это лучше даже слепоглухонемого моряка дальнего плавания. Я и при муже, и пользуюсь полной сво-

бодой. Если бы не свекровь... Ну да бог с ней, возможно, это ненадолго, – закончила я, непонятно что имея ввиду.

Надежды в связи со свекровью казались необоснованными: ведь цветущая мамочка Роберта не только не помышляла о смерти, но даже и не болела. Единственное, на что она жаловалась, так это на нехватку времени: ее фитнессы, бассейны, солярии и прочее-прочее...

Ох, не помещалось все это в 24 часа – вот с каким размахом живет старушка.

Сообщив наскоро Фросе режим мамочки Роберта, я вернулась к приколу.

– Мархалева тоже не сплеховала, – воскликнула я. – Жару им задала. Билась я не понарошку. Да-аа, классно ты меня провела. Знаешь, даже завидно.

Фрося вдруг изумилась:

– О чем ты? Не понимаю.

– Еще бы, тебя же там не было. Характер мой знаешь, все пошло не по сценарию. Изрядно там всех потрепала. Ничего-оо, расскажут тебе, еще посмеетесь хором с меня.

Тут я заметила изысканно накрытый стол (с чудесным вином, лобстерами, свечами) и восхитилась:

– Какая прелесть! Что это?

Фрося смутилась:

– Завтрак или уже обед. Надо же нашу встречу отметить.

– Так что же мы тут стоим! – воскликнула я и бросилась снимать Фросину рабочую блузу.

Увидев мой (уже не такой новый) французский костюм, Фрося запоздало его похвалила:

– Соня, это чудо! Просто отпад!

Видимо и в самом деле переживала, бедняжка, что с приколом своим малость перестаралась.

– Ладно, не подлизывайся, – отмахнулась я, отправляясь мыть руки. – Будто не знаю, что к тряпкам ты равнодушна.

Наспех приведя себя в порядок, я уселась за стол и сразу вооружилась щипчиками для лобстеров. Когда вижу лобстеров, терпение меня покидает. Впрочем, диеты прививают страсть к любой пище, даже к пельменям и кашам.

Фрося уселась напротив и зажгла свечу. Вид у нее был загадочный.

– Сонечка, – прошептала она, – ты действительно простила меня?

– Совершенно, – благодушно заверила я, жмурясь от удовольствия и предвкушая «знакомство» с лобстером. – Все было очень мило. Клянусь, я не останусь в долгу. Выступлю с ответным приколом в ближайшее время. Чур, ты тоже не обижайся.

– Хорошо, – обрадовалась Фрося. – Не буду. Но мне любопытно. Ты расскажешь, как все это было?

– Охотно расскажу, но только после обеда, – сказала я, поигрывая щипчиками и принаравливаясь подцепить кусок мяса побольше.

Момент предвкушения, самый сладкий, еще слаще, чем

момент поглощения. Я едва не захлебнулась слюной. Лобстер смотрел на меня, словно возлюбленный... Мои ноздри улавливали его тонкий, сладковато-пряный аромат. Я, говоря языком Маруси, прямо вся к нему устремилась, имея ввиду и вино – Ефросинья долго жила в Париже и толк в винах знает. И в еде она знает толк. Поэтому я пошла собою на стол и...

И в дверь забарабанили!

Ужасно!

Думаю, что и ногами. И кулаками. Фрося крикнула:

– Открыто!

Спрашивается, кто «открыто» кричит, когда раздается такой дикий грохот? Умней было бы прятаться в шкаф, под стол, под кровать...

Куда угодно!

Но мы не спрятались. В комнату ввалились уже знакомые мне верзилы, и я мгновенно поняла почему такой загадочный вид был у Фроси – пошла вторая серия прикола.

Кстати, увидев верзил, она, чертовка, с трудом смех сдержала. Я тоже не ударила в грязь лицом и, одарив верзил улыбкой приветливой радости, с пафосом им сообщила:

– Мальчики, мы вас заждались!

Видимо, я вышла за рамки сценария – верзилы с фальшивым удивлением уставились на Фросю.

«Как плохо ребятки играют,» – подумала я.

– Кто это? – спросил Интеллигентный.

– Моя подруга, – ответила я.

Верзила слегка растерялась:

– Подруга?

Мысленно я их осудила: «Отвратительная! Отвратительная игра!»

– Шо будем делать? – спросил у самого огромного Интеллигентный.

Тот махнул рукой:

– Хватаем обеих.

И нас энергично схватили.

Глава 6

Как и в прошлый раз, меня затолкали на заднее сидение, Фросю пристроили рядом. Теперь я уже знала куда нас везут: туда же, откуда с Арнольдом вернулась – куда же еще?

Я ничего не боялась и сожалела только о том, что не могу выразить Фросе свое восхищение. Какой многоходовой прикол – это высший пилотаж в прикольном искусстве!

«Уж и не знаю чем тут ответить, – прикидывала я. – Все, что приходит в голову, кажется тусклым. Вряд ли смогу переплюнуть подругу».

Вскоре выяснилось, что я ошиблась: нас привезли в другое место. На этот раз мне попался дырявый мешок, и я видела, что опять нахожусь за городом. Дом был еще больше, зато усадьба гораздо беднее – не размерами, а ухоженностью: сад бурьяном зарос и смешался с березовой рощей.

И меня и Фросю привели в полутемную комнату. Лишь там с наших голов стянули мешки.

– Не скучайте, девочки, без меня, теперь вы поступаете в распоряжение наших коллег, – гаркнул интеллигентный верзила и оставил нас одних.

Дверь, разумеется, он с серьезнейшим видом закрыл на ключ.

Мы с Фросей переглянулись и покатались со смеху. Каждая пыталась что-то сказать, но смех был воистину гомери-

ческий: выразить свои чувства возможности не имели.

– Ну ты, Соня-яя, даешь, – сквозь хохот выдавливала Фрося.

– Нет, это ты дае-ешь, – вторила я, тщетно пытаясь продолжить.

Насмеявшись до слез, разом умолкли.

– И долго мы будем сидеть здесь? – с улыбкой спросила Фрося.

– Сама знать хочу, – ответила я.

Фрося игриво толкнула меня в бок. Я ее тоже игриво толкнула.

– А то не знаешь, – сказала она и опять захохотала.

– А то ты не знаешь, – воскликнула я, предчувствуя новый припадок смеха.

Дверь распахнулась. В комнату заглянул изумленный верзила – родной уже Интеллигент. А намекал, что мы не увидимся. Впрочем, я не стала его упрекать.

– Они ржут! – сказал он и спросил: – Дурочки, шо вы ржете? Вам бы плакать в самую пору.

Настоящий артист – так натурально сыграл, что мы замали руками, не в силах говорить, только корчились, надрывая животики.

Верзила загадочно покрутил у виска пальцем и исчез, я же отметила: «Отлично в образ вошел. Еще немного, и я точно поверю. Кстати, деньги отсчитывал мне он тоже весьма натурально».

Едва вспомнив про деньги, расстроилась: смеха как не бывало.

– Фрося, – тревожно спросила я, – выходит, если это прикол, то «баксы» придется вернуть?

Возвращать я никогда не любила.

– Какие баксы? – удивилась она.

Я полезла за лиф комбидреза и достала семьсот долларов, свои, честно заработанные – как мне совсем недавно казалось.

– Вот эти.

Фрося изумленно открыла рот, да так, не закрывая его, и спросила:

– Кому ты должна их отдать?

– Да парням этим, твоим «кентам», – пояснила я, чувствуя, как прямо на глазах портится настроение: еще недавно счастливой была и вот, уже осиротела на кучу долларов.

Испортилось настроение и у Фроси.

– Сколько здесь? – спросила она, кивая на мой трофей.

– Ты разве не знаешь? Семьсот.

– Живодеры! – воскликнула Фрося. – Да все это стоит гораздо дешевле! Ты что, именно столько им заплатить обещала? Семьсот долларов?

– Ну да, – рассердилась я. – Обещала, как же, держи карман шире. За кого ты меня принимаешь? Они сами мне заплатили. – Подумав, добавила: – Я их заставила.

Фрося вдруг потеряла дар речи – абсолютно искренне эта

чертовка была сражена. В мою душу даже закралось сомнение.

– Тебе заплатили? – оправившись от изумления, закричала она. – Заплатили семьсот баксов? За что?

– Будто не знаешь! – гаркнула я. – Или ты думала, что я даром в порнухе сниматься должна! Вижу теперь какого ты мнения о своей лучшей подруге!

Бедная Фрося пошла вразнос – совсем над собой контроль потеряла: вскочила, по комнате заметалась, потом опустилась на пол, открыла рот и, тараща глаза, долго, как рыба на берегу, беспомощно воздух глотала. Мое состояние было не лучше: я понять ничего не могла и терялась в догадках, но делала это весьма эстетично: в позе, почти роденовской.

Наконец к Фросе вернулся дар речи.

– Эти мерзавцы заставили тебя в порно сниматься? – с бесконечным отчаянием воскликнула она.

Я обиделась:

– Меня невозможно заставить. Сама согласилась.

Не признаваться же любимой подруге в таком унижении – зачем понапрасну доставлять Фросе радость?

– Постой, разве это не твой прикол? – опешила Фрося.

– Нет, конечно, прикол пока твой, но и мой не за горами. Долго ждать не придется, – заверила я.

Ефросинья в испуге оглянулась на дверь, нервно облизала губы и, задышавшись, спросила:

– А кто эти люди?

Я усмехнулась:

– Тебе видней. От себя могу лишь добавить, что артисты они плохие. Да и ты, голубушка, часто фальшивишь. Думаешь, я не видела, как ты смехом давилась, когда эти твои «кенты» с деланной крутизной в квартиру вломились.

– Вломились твои дружки, – уточнила Фрося.

Я подскочила, словно ужаленная:

– Что ты хочешь сказать?!

– Этих людей вижу впервые, – заверила меня Ефросинья и слегка раздраженно добавила: – Хватит, Соня, побаловала, меня удивила, но во всем надо меру знать. Тем более, что на этот вечер намечена важная встреча: речь о картинах моих пойдет. У меня выставка на носу в Германии. Пожалуйста, прикажи своим милым друзьям, пускай отвезут нас обратно.

– Что значит – обратно? – гаркнула я. – Как – прикажи?

– Как можно строже.

– Разве эти орлы не твои «кенты»?

И наступила немая сцена. Фрося распахнула глаза: так долго и изучающе на меня чертовка смотрела, что мороз по коже продрал. Я хребтом ощутила: гадает, шучу я или всерьез?

Схватившись за голову, я завопила:

– Так это, выходит, совсем не прикол!

– Не прикол?! – ужаснулась Фрося, хватаясь за сердце.

И опять наступило молчание – мы обе переваривали то, что с нами случилось.

Не знаю о чем размышляла подруга, но я взять в толк не могла, что понадобилось от меня мерзавцам-верзилам. К чему это порно? Если кто-то решил погубить мою репутацию, почему так долго терпели? Почему не хватали меня в Москве?

А может не хватали как раз потому, что я и сама с этим делом неплохо справляюсь – так ловко гублю свою репутацию и карьеру, что врагам даже завидно: им так не суметь.

Да что там врагам, подругам моим уже тошно. Сами судите: с пятым мужем едва развелась, чуть второй раз замуж не вышла – не удивляйтесь, у меня свой отсчет – но не вышла, одумалась вовремя, и почти расписалась с таким му... чудачком, что у бабы Раи, экономки моей, едва не случился удар. Уже после этого подвернулся последний муж, Роберт – мужчина моей мечты.

Скажу я вам: нет хуже трагедии, чем сбывшаяся мечта. Счастливый брак меня подкосил, я совсем растерялась: что делать? Как теперь жить?

Даже свекровь не спасает: ее ложка дегтя утонула в нашей с Робертом бочке счастья.

Как истинно русская к благу я не привыкла, вот и дернула к Фросе приключений искать.

И кто знает, не добрый ли человек приказал схватить меня и сюда посадить, чтобы спасти от дальнейших дурацких поступков.

Тогда зачем меня в комнате этой держать?

Гораздо надежней лишиться меня жизни: тогда уж точно глупостей не совершу, а на них я огромная мастерица...

И тут меня осенило: вот он, мой эгоизм, при чем здесь, черт возьми, я?! Хватая меня, верзилы Фросю мою хватали – я же у ее картины стояла. И блуза на мне ее была.

Но за что хватать мою Фросю?

Она же ни рыба ни мясо: безобидна, безгрешна, добра. У нее давно отобрали, все, что смогли – точнее, все, что было у Фроси. Остался только талант, его-то не отберешь. И защищаться она не умеет, и на хитрость ведется...

Нет, что-то не вяжется здесь...

Тут и порнуха припомнилась. Как странно ее снимали. Что за порно, когда все одеты? И этот Арнольд со своею капустой – комичный, черт возьми, персонаж!

Мысль вернулась в пункт отправления: «Да нет, это розыгрыш! Проводят меня, как последнюю дуру!»

Я глянула на Фросю; и она с улыбкой глянула на меня.

«Нет, все же ей надо было идти в артистки!»

– Ефросинья, хватит меня дурить, – сказала я со смешком, игриво толкая подругу в бок.

– То же самое могу сказать и тебе, – рассмеялась и Фрося. – Это надо же такое придумать? А я, глупая, повелась. Да любой же знает, какая ты фантазерка! И приколистка!

Она глянула на часы и нахмурилась:

– Ну все, Софья, хватит, пошутили и будя. У меня важная встреча на вечер намечена. Опаздывать я не могу.

«Ох и хитрунья», – подумала я и насмешливо предложила:

– Поэтому быстро зови орлов, пусть везут нас обратно. Я устала, ванну принять хочу, лобстера слопать, хлебнуть твоего винца.

Фрося, кивая, так же, с улыбкой, начала меня убеждать, что она все понимает, но шутка подзатянулась и Германия погибает без ее гениальных картин, и встреча уже под вопросом.

Я со всем соглашалась:

– Да-да-да, поэтому быстро зови орлов. Черт с ними, с долларами, раз дело такое – верну!

– Конечно-конечно, – вторила Фрося, – вернешь-вернешь и самой себе. Придумано гениально.

– Спасибо, но выдумка не моя, – пыталась я повернуть на серьезное.

Да какой там, Фрося грозила мне пальцем:

– Софья, пора! Быстро зови орлов!

Уж не знаю как долго мы препирались бы – обе упрямые – но за дверью слышался топот и голоса. Кто-то кого-то ругал, кто-то перед кем-то оправдывался – разумеется, все это делалось матом.

Естественно, и я, и Фрося отнеслись к этому с интересом, как ко второму (а для меня уже и третьему) действию фарса: обе заинтригованно переглянулись и воззрились на дверь, изогнувшись знаком вопроса.

«Что будет дальше?» – хотелось нам знать.

И мы быстро узнали: дверь распахнулась – на пороге вырос здоровенный мужик. Из-за его спины десятиголовым чудовищем торчала свита из родных мне верзил и из совсем незнакомых.

Фрося смущенно сказала:

– Здрасте.

Я состроила рожицу и показала верзилам язык.

Здоровенный мужик опешил, а верзилы скорбно «пожалились»:

– Видишь, батя, это просто чума. Черт рядом с ней отдыхает. Замучились мы.

Интеллигентный ткнул в свой роскошный фингал (ну что я за мастерица!) и проямлил:

– Орехоколом, бя, наварила.

«Неужели?» – подивилась я, гадая где раздобыла орехокол – всего не упомнишь в батальной сумятице.

Интеллигентный же сокрушился едва не до слез:

– Живому человеку по лицу железным орехоколом! Креста на ней нет!

– Свой крест я ношу с собой! – отрезала я, но, похоже, никто меня не услышал.

Все смотрели на батю, на здоровенного мужика. А он уже на Фросю смотрел и бубнил:

– Значит на той нет креста... А на этой? – Он ткнул толстым пальцем в мою подругу.

Та зачем-то снова пропела «здрассье» и покраснела – мол кроткая дурочка.

Верзилы на уловку не повелись: дружно пожали плечами и дружно признались:

– Батяня, про нее еще не успели понять. Гадаем. Только вот появилась, но подружка чумы, так что, хорошего мало.

– Яс-сно, – с неясной угрозой пропел здоровенный мужик, из чего мне стало понятно, что не ясно ему ничего, оттого он сердит, а уж на ком выместить зло он найдет: нас с Фросей воочию видит.

«Похоже, ему не до шуток, – ежась, подумала я. – Неужели не врет Ефросинья? Неужели весь этот прикол совсем не прикол?»

Я растеряннo глянула на подругу: ей хоть бы хны. Крутит глупой башкой на верзил, на их шефа и думает, что ей здесь отечественное кино.

А здесь не отечественное кино!

Здесь хуже!

Гораздо хуже, хоть кажется, хуже и не бывает. Так думала и сама, теперь же глянула на «батяню» и поняла: «Бывает и хуже!»

А когда «батяня» цокнул фарфоровым зубом, я совсем обомлела: по опыту знала, так зубом цокать может лишь тот, у кого руки по локоть в крови.

«Фрося сейчас на мели, – мгновенно смекнула я, – такого „мастера“ ей не купить. Значит это, увы, не прикол!»

Тут уж и я, культурно кивнув головой, брякнула шефу:

– Здрассье.

– Покедова, – с угрозой ответил он, и дверь притворилась.

Глава 7

ЦВЕТОЧНИЦА

Она была необычным ребенком. В детском доме ее дразнили врушкой. Дразнили дети – воспитатели называли сказочницей и фантазеркой.

Врушкой она не была никогда. Фантазеркой? Быть может, но скорее мечтательницей. Она мечтала...

Стоя за прилавком цветочного магазина, она мечтала о...

Впрочем, это секрет. Об этом знают только она и ее фиалки, любимицы-сенполии. Только их нежным перламутровым лепесточкам и мягким бархатным листочкам она доверяла свои тайны – она пропитывала цветы таинственностью, которой много в природе и совсем нет в городе. Тихим ангельским голоском она пела им свои песни-мечты, доверчиво пела о сокровенном. Сенполии знали все девичьи секреты – может поэтому и раскупались так быстро они, ведь каждому известно как манит загадка.

Да-да, малютки-сенполии не застаивались на прилавках, а ведь покупателей было немного. Несмотря на то, что цветочный магазинчик расположился у входа в метро, покупателей было совсем немного: от силы пять-шесть человек за весь день. Из чрева подземки валила масса народа, но всем было не до цветов, все куда-то спешили, толкались, неслись,

пробегая мимо...

Но уж тот, кто случайно зашел, обязательно уходил с покупкой. И так мила была продавщица, и так загадочны были цветы, что хотелось улыбаться, и почему-то очень хотелось любить. И делать добро...

С беспричинной (но мы-то знаем уже что причина была), задумчивой и сердечной улыбкой уносили люди в старомодных горшочках чужую тайну. К себе, домой. Уносили хорошую тайну. (В этом мире так мало хороших тайны.)

«Ах, – думали люди, любуясь сенполиями, – какие волшебные фиалки. И стоят недорого. Сколько там зарабатывает эта симпатичная девушка, наверняка, копейки. И за эти копейки она согласна ковыряться в земле! Нет, что ни говори, но все эти цветочницы – необыкновенные женщины».

Да-да, так думал каждый, уходя из цветочного магазинчика. И это чистая правда. Женщины, выращивающие цветы и торгующие цветами, обладают невероятным терпением. С потрясающей легкостью они готовы ради чужой красоты жертвовать даже собой – вряд ли это в природе женщины. Да, цветочницы действительно необыкновенные. Все-все без исключения.

НЕЗНАКОМЕЦ

В этот день она была особенно мила. словно с утра ждала чего-то светлого, необычного. Надела новое розовое платье,

долго укладывала в кокетливую прическу свои длинные пепельные волосы (все говорят, что очень красивые), подкрасила серые, чуть раскосые глаза, слегка тронула карандашом тонкие, изумленно изогнутые брови... Даже губная помада ей пригодилась сегодня – дело невиданное.

Она старалась не зря. Несомненно, сегодня она была мила. Это все отмечали. Все покупатели.

«Вам очень к лицу розовое,» – сказала пожилая женщина с печальными глазами.

Кстати, она выбрала для себя розовые махровые сенполии. А молодой человек, купивший для своей невесты фиолетовую малютку-Машеньку – она давала имена всем своим цветам – долго не хотел отходить от прилавка, явно стараясь произвести впечатление. Еле выпроводила его, уже начала сердиться, стыдливо и озабоченно поглядывая на дверь.

Впрочем, сегодня она весь день посматривала на дверь. Зачем? Будто ждала кого-то. Кого ей ждать? Она одна на всем белом свете. У нее нет ни близких, ни родных, только подружки-сенполии.

И все же она ждала. Ждала, поглядывая из окна своего крохотного магазинчика на двери метро.

Какая глупость!

Весь день высматривала и пропустила, пропустила его. В тот момент, когда он вышел, она была занята постоянной покупательницей, симпатичной статной брюнеткой, страстной любительницей всего и в особенности фиалок. На этот раз

брюнетка купила Светланок. Светланки очень, очень хороши! Маленькие белые сенполии с серебристыми бархатными листочками. Просто чудо!

Пока она расхваливала брюнетке свой товар, из метро вышел высокий красивый мужчина средних лет с густой шевелюрой, едва тронутой сединой. Все в нем было респектабельно: и строгий костюм, и прическа, и галстук. В руках дорогой английский портфель. Такие мужчины ездят на «Мерседесах», их нечасто встретишь в метро. Именно поэтому все обращали на мужчину внимание, некоторые оглядывались ему вслед, он же был задумчив и не замечал вокруг ничего.

«Почему меня не встретили?» – гадал он, проходя мимо цветочного магазинчика и бросая равнодушный взгляд на юную продавщицу, бойко расхваливающую свой живой товар разодетой брюнетке, весьма интересной даме.

На брюнетке он задержал на секунду взгляд и машинально отметил, что бабенка совсем ничего, даже очень и очень, вполне и вполне...

Отметил и дальше пошел, решая свою загадку.

«Странно, – думал он, – странно, что меня не встретили. Опять помощники все перепутали. Да это и хорошо, – порадовался вдруг он. – Как нормальный человек поброжу по городу. Сто лет так не бродил. А мне здесь есть что вспомнить».

Он жадно глотнул городской воздух и сказал:

– Черт! Куда я спешу? Куда я все время спешу?

Проходившая мимо невзрачная женщина интеллигентно осведомилась:

– Простите, вы что-то спросили?

– Нет-нет, извините, я не вам, – смутился он, кланяясь ей и мысленно отмечая: «Тетка – синий чулок, но я ей понравился».

Игривое настроение охватило его. Он почувствовал свободу и подумал: «Эх, хорошо, что меня не встретили. Времени навалом, аж до завтрашнего утра, даже до обеда. По городу поброжу, на девушек поглазею. Девушки здесь сумасшедше красивые! А какие здесь были денечки...»

Воспоминания нахлынули на него...

Хорошие воспоминания, но стало грустно.

«Совсем отвык от нормальных людей за этой кабинетной жизнью, – пригорюнился он. – Помнится, я бабником был, пламенел от любого девичьего взгляда, волочился за каждой юбкой... – Он удивился: – Куда все это ушло?

Куда? В песок. Все в песок, вся жизнь туда. Работа-работа, обязанности-обязательства, интриги...

Забыл уже, что я мужик. Настоящие чувства грязью дорогой подменил. Все какие-то фифы крутятся возле меня, какие-то задаваки, кривляки, алчные все бабенки. И дружно чего-то хотят от меня, требуют, топают, шантажируют... И угрожают.

Давно я не видел баб настоящих, тех, которые не охотятся, а живут. Красиво живут: правильно, творчески, умно, со

вкусом к тому, что имеют, без иждивенчества, без идиотской погони за яхтами, замками, „мерсами“. Настоящая женщина знает: замок хотеть – это пошло. Хотеть можно то, что возможно собою объять. Остальное – мораль рабовладельца, что преступно, низко и дико – из начала нашей эры эта мораль».

Он окинул мысленным взором свою непростую судьбину и удручился: «Да-аа, оторвался я от простых людей и попал в такое говно!

А жизнь идет. Жизнь мимо проходит».

В этот момент он вдруг ощутил, что его томит, томит какое-то чувство, чем-то брезжит эмоция, откуда-то из глубины сознания исходит таинственный интерес... Вот только к чему?

Он покопался в себе и обнаружил там много приятного, целый пласт, но все это ощущения... Даже не так – остатки эмоций, а вот каких? Он не знал.

Начал вспоминать. Так в детстве бывало, когда играя с большим увлечением, вкусное что-то съедал. Про лакомство уж и забыл – и на языке не осталось, а приятное впечатление сохранилось, испытываешь удовольствие и не знаешь уже от чего.

Так бывало и позже, когда красивая девушка улыбку дарила. Ее лицо давно из памяти стерлось, и не помнишь уже о ней самой, а настроение все хорошее...

Стоп! Девушка! Где я видел ее? Где?

В метро!

Нет, позже...

Что было позже?

Он оглянулся – от метро ушел не далеко. «Вернуться? Вернусь».

Медленно побрел в обратную сторону, посматривая вокруг и напряженно пытаюсь припомнить, отыскать эту мысль, что так растревожила.

Когда показался цветочный магазинчик, он встрепенулся: вот оно! Вот! Шаг стал шире. И в памяти брюнетка всплыла.

«Нет, не то». Поморщился. «Совсем не то».

Напротив магазинчика двери метро.

Он остановился, подумал: «Дальше глупо идти, я там не был».

И все же пошел, побрел к магазинчику, остановился у самой витрины, бессмысленно поглазел на цветы. И вдруг словно молнией ослепило: она! Продавщица фиалок! Тонкими гибкими пальцами достает с верхних полок горшки, встала на цыпочки, изогнулась, сама как прекрасный цветок. Лиана – стройна, высока, нежна.

«Вот оно что, – радостно он подумал. – Это она, та самая девушка, из-за которой я настрадался мальчишкой. Да-да, это она. Смешно ловила коленями мяч, любила грызть кончик косы своей пепельной и бегала, шлепая, босиком. По лужам! По лужам! И хохотала! Смех высокий и звонкий».

Сердце бешено заколотилось.

«Успокойся, – сказал он себе, – Да, это она, та, что любила в дождь босиком бегать по лужам. Подол приподнимет и шлепает. И смеется. А смех звонкий, тонкий – очень заразительный смех. Да, это она, ну и что?»

А вот что: душа ожила и восстала, а память просто взбесилась – за секунду одну пронеслось все, что было длиною в юность и казалось давно забытым, похороненным под монументами побед и руинами поражений.

«Но как же я сразу ее не заметил? – удивленно подосадовал он. – Старею. Старею...»

И тут же порадовался: «Но молодой еще глаз у меня. От меня один глаз и остался. Мозгами все не то замечаю, фотографирую все какую-то чушь, ерунду, а глаз выхватил, выхватил нужное, выхватил и запомнил».

Он смело вошел в стеклянную дверь под звон колокольчика. Девушка так увлеклась цветами, что не услышала звона. Сидела на корточках, нежно перебирая листочков велюр, грустная и задумчивая, погруженная в мысли.

Он кашлянул и сказал:

– Я бы хотел...

Она испуганно вздрогнула, вскочила, едва не уронив горшок, но ловко поймала его, воскликнув:

– Ах, простите, увлеклась, не заметила как вы вошли. Вы что-то хотели?

– Да, я бы хотел...

Она глянула в его добрые глаза и стушеввалась, впервые за

этот день не посмотрела за окно и на дверь.

– У меня прекрасные сенполии, – от смущения залепетала она. – Самая лучшая коллекция. В городе. А может быть и в стране. Таких нигде не найдете.

И протянула горшочек с бледно-сиреневыми цветами. Он покачал головой:

– Нет-нет, вы не поняли, я бы хотел...

Расстроилась:

– Не нравятся?

В ее руках мгновенно появился другой горшок.

– Вот еще один экземпляр. Редкий цвет, голубой-серебристый. Правда, похожи на незабудки?

Он опять покачал головой:

– Нет, я бы хотел...

Она, снова обрывая его, ловко достала с верхней полки горшок и воскликнула:

– А вот эти! Посмотрите. У них очень красивое имя: Лаура. Правда чудо? Вы кому собираетесь их дарить? Жене? Сестре? Подруге? А может быть просто девушке?

– Вы не поняли. Я хотел бы подарить самый дорогой, самый ценный цветок из вашей коллекции...

– О-оо! – обрадовалась она. – Это прекрасно! Тогда вам нужен вот этот! Роскошнейший экземпляр! Я зову его Долли. Правда, чудо? К сожалению, он стоит дорого, но цветет круглый год. Купите, не пожалеете. Ваша дама, когда увидит этот цветок...

– Вы не поняли, я хочу подарить его вам. Именно вам, славная девушка, – наконец сказал он, и она растерялась.

– Мне?

– Вам.

– Но этот цветок и без того уже мой...

– Неужели?

– Все цветы здесь мои, – усмехнулась она. – Я их задумала, изобрела и потом уже вырастила. Я их холила и лелеяла. Их трудно мне подарить.

Он растерянно сник:

– Все – ваши?

Она развела руками:

– Увы – да.

– Но что же я вам подарю?

Он был сильно расстроен.

Она подумала: «Нет, не зря я надела свое новое розовое платье, и прическу сделала тоже не зря, даже губная помада оказалась не лишней».

Глянула исподлобья (знала, что так особенно хороша), усмехнулась кокетливо и, скрывая остатки смущения, тихо спросила:

– Почему вы хотите подарить мне цветы?

Он улыбнулся:

– Не только цветы.

Краснея, она воскликнула:

– Не только цветы? Что же еще?

– Я весь мир хотел бы вам подарить.

Ее тонкие брови взлетели вверх:

– Но почему? Почему?

Он смущенно признался:

– Потому, что вы... девушка моей мечты.

Глава 8

Дверь притворилась, и мы с Фросей опять остались одни: одни в комнате, но не в доме.

– Только попробуй теперь меня обвинить в дурацком приколе, – воскликнула я.

– Не собираюсь, – лаконично ответила Фрося, и даже в сумраке было видно, что она стала мела белей.

«Неужели и Ефросинья все поняла?» – подумала я и спросила:

– Не собираешься? Почему?

Ответ прозвучал в форме вопроса:

– Знаешь, кто этот здоровущий мужик?

– Шеф, – буркнула я, – их «батяня». Верзилы перед ним навывтяжку все стояли.

Фрося, округляя глаза, сообщила:

– Это Боря, местный крутой, воротила, мафиоза и черт знает кто там еще! Сонечка, мы попали в такой переплет, что вряд ли выйдем отсюда живыми!

– Да-ааа?!

И вот тут-то разум мне отказал, что частенько бывает. Почему-то вдруг захотелось вернуться к привычной версии, более безопасной.

– Хватит меня пугать, – брякнула я, – этот Боря тоже прикол. Часть твоего прикола.

– Да нет же, – горячась, воскликнула Фрося. – Это зверь и убийца, настоящий бандит, Борис Вырвиглаз по кличке Якудза.

– Не пыли мне мозги! – гаркнула я. – Ты сама про прикол говорила!

Фрося вдруг согласилась:

– Да, говорила.

– Тогда объясни, что имелось ввиду.

– Как обычно, я решила над тобой подшутить и расклеила по городу объявления с фотографией и текстом, мол разыскивается преступница, аферистка...

Я разъярилась:

– Ты лжешь! Ты о другом говорила! Что ты имела ввиду, когда насчет долларов меня распекала и ворчала, что здесь это стоит дешевле?

Фрося горестно сообщила:

– Я всего лишь хотела сказать, что Москва, это другая страна. У нас все дешевле и проще. И касалось это не моего прикола, а твоего. Я-то подумала, что ты мне в отместку дуркуешь: заплатила верзилам, вот они по городу нас и катают. Уверяю, за семьсот долларов здесь тебя увезут на Луну, а не то, что за город.

Мне стало нехорошо.

– Так говоришь, это Борис Вырвиглаз? – спросила я, смутно ощущая реальность.

Фрося с искаженным страхом лицом подтвердила:

– Да, по кличке Якудза.

– А кличку свою он как получил? – грациозно стирая капельку пота, спросила я.

– Как-как, ясно как. За жестокость восточную и беспредел. В нашей области его даже куры боятся.

– Ой-е! – воскликнула я, хоть и склонна к тому никогда не была: грубостей не терплю с тех самых пор, как полюбила искусство.

Фрося моя тяжело вздохнула и мечтательно прошептала:

– Пожить бы еще...

И зловеще присовокупила:

– Так не хочется умирать.

– Ни с того ни с сего, – дополнила я и меня обдало кладбищенским холодом.

Как-то сразу захотелось домой, к мужу, к Роберту, под бочок к любимой свекрови...

Вот что меня всегда поражает – даже на самом краю могилы – так это народная мудрость.

Как умен наш народ!

Как он прав, когда говорит: «Помяни черта, он и рога высунет».

Я только мысленно свекровь свою помянула, а она уже тут как тут: сотовый зазвонил, я трубку к уху прижала, а оттуда вопль Вельзевула:

– Невестка, ты где!

Повадилась сволю...

Да что такое? Откуда прет эта грубость? Из меня, из нежнейшей натуры! Сама себе удивляюсь! Вот до чего нас доводит российская жизнь, беленьких и пушистеньких.

Так вот, продолжаю: повадилась мать наша с Робертом невесткой меня называть, будто нет у меня знаменитого имени. Ну да ничего, я в долгу не осталась: свекровушкой нежно ее зову.

Правда, созвучно с коровушкой?

В этом мой тонкий прикол.

– Свекровушка, – ей отвечаю, – я здесь.

Где «здесь» не уточняю, чтобы жалкую оперативную память свекрови объемной информацией не загружать.

– И что ты там делаешь? – интересуется она, эта мать Роберта.

Лаконично ей отвечаю:

– Мою полы.

Не рассказывать же ей про битву с «быками» – не хватало еще, чтобы моего Роберта мать жалела каких-то «быков».

К тому же, она обожает когда я мою полы. Пусть радуется сво... Своевольная женщина.

На этом наш разговор оборвался по воле свекрови. Я положила трубку в карман и возмущенно уставилась на Ефросинью.

– Ты что-нибудь поняла? Лично я – ничего!

– Кто тебе, Соня, звонил? – удивленно спросила Фрося.

– Мой верный враг и близкий вредитель, – ответила я.

Вспомнив, что подруга замужем не была, быстренько пояснила:

– Звонила мне мужа мать, ити!

– А-аа, свекровь, – прозрела она.

– Именно! Это ужасное мне и звонило! Даже здесь меня достает! Теперь удивляюсь, как она без меня жила? Чем развлекалась?

Фрося не просто замужем не была, а очень сильно замужем не была, иначе не знаю чем объяснить последовавший вопрос.

– О чем ты? – спросила она, и меня прорвало.

– Вот спрашивается, что это был за звонок? – взбесилась я. – Зачем эта родственница позвонила? Чего добивалась? Хотела чего?

– Настроение испортить хотела, – вставила Фрося, и я поняла, что подругу недооценила.

Видимо, некоторым, особенно умным, замуж не надо ходить, чтобы понять, как оно выглядит, ЭТО (свекровь) чем живет и на что, блин, способно! Простите, но иначе не скажешь – не та будет истина.

Разумеется, я согласилась:

– Точно, хотела невестку расстроить. Теперь меня даже радует, что «быки» батяни нас скоро пришьют.

– Почему?

– Свекровь моя осиротеет и со скуки удавится или от переизбытка злости помрет. И знаешь что, это только начало.

Она еще сто раз позвонит.

Фрося дала дельный совет:

– Выключи телефон.

– Правильно! Выключу! То-то ее перекосит!

И тут до меня дошло, чем я обладаю – богатством каким!

Боже вас упаси глупость подумать: нет, не свекровью – обладаю я сотовым телефоном. Тупые верзилы не догадались меня обыскать.

– А что это я здесь сижу! – воскликнула я. – Надо звонить в милицию!

Фрося моя оживилась:

– Правильно! Сейчас же звони!

И я позвонила: 02 набрала и поимела беседу похуже, чем со свекровью. Я им говорю:

– Нас с Ефросиньей похитили.

Мне отвечают:

– Не вас одних.

И просят адрес назвать.

– Чей адрес? – опешила я.

– Ваш и того, кто вас похитил.

– Мой адрес в Москве, – я им сообщаю, – адрес же похитителей сами и выясняйте, раз вы милиция.

И тут началось невероятное: меня отчитали и пригрозили в «обезьянник» забрать, если еще повторится.

– Что повторится? – спросила я из чистого любопытства.

Мне в ответ:

– Прекратите нас отрывать!

– От чего?

– От работы!

– О-о, извините, не знала, что вы сейчас водку сосете и с аппетитом закусываете под зверский секс. Ведь в этом ваша работа, кажется, заключается. Ах, извините, забыла: еще взятки, поборы-побои, крышевание и прочие мелочи. И в самом деле, каторга, а не работа.

– Слушай, ты, – донеслось мне в ответ.

Остальное не подлежит переводу на нормальный русский язык – правду, я вам скажу, не любит никто.

«Миленькая беседа, – подумала я. – Интересно, за что я налоги плачу? Но не на ту нарвались! Дармоеды! Лентяи! Я их заставлю работать! И не таких заставляла – мои мужья живое тому доказательство...

Впрочем, полуживое уже после меня».

– Вот что, – грозно я заявляю, – со мной шутки плохи, сейчас же пришлите группу захвата, пока по-хорошему вас прошу.

В ответ лаконично:

– Куда прислать?

Я, растерянно глядя на Фросю, шепчу:

– Приплыли. Где мы находимся? Как им сказать? Ты поняла каков был маршрут?

Подруга в ответ, пожимая плечами:

– Кроме мешка ничего не заметила.

Я пылко обратилась к милиции:

– Вы должны понимать, что на нас надели мешки и утащили за город! Заточили в нищенский дом и держат здесь принудительно в антисанитарии, а я к джакузи привыкла!

– Отвыкай, – получила я глупый совет, – и чаще закусывай.

– Вам видней, – ответила я. – Не забывайте опохмеляться!

На том разговор и закончился – в трубке раздались гудки.

– Что это было? – спросила я Фросю, теряясь в догадках.

Она просветила:

– Наша милиция.

– И как же теперь? Не поняла, приедут спасать нас или оставят в лапах Якудзы?

Поражая меня пессимизмом, Фрося заверила:

– Конечно оставят.

– Ужас какой! Бессердечие! Беспредел! Бестактность! Бессвязность! Бессилие! Безмозглость! Беславие! Бесси-
стемность! Беспечность! Беспутность и беспробудность! Беспросветность! Бляд...

Как великий писатель, я знаю: у нас в алфавите букв тридцать (по-моему). Казалось бы, богатый ассортимент. Меня же на «б» заклинило. Сидела и тупо перечисляла все, что начиналось на «б» – приличного мало, должна вам сказать.

Фрося быстренько осознала, что я в шоке – в нормальном состоянии, как истинно русская, я не ругаюсь, но разве наша русская жизнь нормальное состояние знает?

Впрочем, не стоит о грустном – поговорим о смешном.

Фрося, видя мой шок, тревожно сказала:

– Сонечка, успокойся. Наша милиция очень хорошая, она просто не знает как нам помочь. Ну посуди, где нас искать? И сами не знаем, где мы находимся.

Точно! И сами не знаем!

Теперь меня загрызло чувство вины – так оскорбила милицию!

Захотелось их всех расцеловать, этих бессеребренников!

– Как я могла?! Там же одна беспристрастность! – с пафосом воскликнула я. – Бескомпромиссность! Бесшумность! Бессменность! Бесстрашие! Беззлобность и беззаветность!

– Соня, остановись! – испугалась моя Ефросинья. – Там много чего, перечислять, дорогая, замаешься. Давай лучше думать как сделать так, чтобы все это нам помогло.

Я согласилась:

– Правильно! Думать давай! Не часто со мною такое случается!

И в этот миг снова ожил мой телефон, и снова глас Вельзевула – хоть трубку к уху не прижимай.

– Ты где? – грозно возопила свекровь. – Если не скажешь мне по-хорошему...

Нашла чем пугать, я сама всех так пугаю.

И все же, из уважения к старине, я покладисто ей отвечаю:

– Я у подруги.

– Не лги! Ты с мужиками!

«В каком-то смысле она права, — подумала я, — но признавать это глупо».

Поэтому я возражаю:

— Что? Я с мужиками? Сущая ерунда! С тех пор, как вышла за вашего Роберта, мужчины мне абсолютно противны!

Пусть знает, до чего ее сыночек здоровую бабу довел со своей дурацкой наукой. Она же как и не слышит.

— На молоденьких потянуло! — вопит.

Все по Фрейду — о чем сама думает, о том и зудит. Истину эту, конечно, скрываю, но доступно весьма объясняю, что слегка она неправа. И тут мне свекровь (злорадно так!) заявляет, что у меня есть Валет.

Как громом меня поразило: «Валет? Что за валет? В азартные игры я не играю. Или мать Роберта „крышей“ стала слаба?»

Для прояснения обстановки задаю ей вопрос:

— Что за Валет, дорогая моя?

— Огромный Валет! — сообщает глас Вельзевула и добавляет: — А в ухе серьга в форме пениса!

Ну как тут не вспомнить опять Пушкина, прозаика и поэта? Я вспомнила и вот уже перед глазами картина: предсмертный выдох сумасшедшей старухи: «Тройка, семерка, туз».

Последние сомнения, покидая меня, толкнули на версию: «Точно, у матушки Роберта „крышу“ снесло. Добегалась по соляриям. Бог свидетель, я предупреждала ее!

Впрочем, так даже лучше».

Мысленно подбирая приличный дурдом, я задаю новый вопрос:

– И что он, этот валет?

И Вельзевул злорадно мне отвечает:

– Думаю, он хочет залезть на даму, а вот кто эта распутная дама, мой Роберт скоро поймет!

Пришлось мне признаться:

– Возможно, Роберт ваш и поймет, но я-то совсем не понимаю!

– Ну! Что я тебе говорила! Ты мало что дура, оказалось вдобавок и б...дь! – торжествует свекровь и вешает трубку.

«Кажется, меня оскорбили! – растерянно думаю я. – Неужели назвали самой популярной в России женщиной?! Но за что?»

Теперь я на Фрося смотрю в полнейшей прострации и обалдении.

– Детка, – я ей лепечу, – есть в вашем городе этот, ну как же его, с серьгой в форме пениса, имя забыла...

Фрося мне подсказала:

– Валет.

«Сейчас лишусь чувств!» – подумала я, но не лишилась.

Глава 9

Я чувств не лишилась, я начала Фросю пытаться, и она мне рассказала, что Валет состоит у Якудзы на службе. Я поразились:

– Откуда ты это знаешь?

– Весь город знает, – горько усмехнулась она. – У нас демократия. Якудза от народа ничего не скрывает и секретов не держит.

– Так почему же этот народ милиции все не расскажет? – задала я разумный вопрос.

И глупейший ответ получила.

– Милиция – тоже народ, – философски заметила Фрося и пояснила: – Милиция тоже все знает.

Тут возникала загадка: милиция – не свекровь. Моя же свекровь о Валете знает. И даже о серье в форме пениса. Откуда?

– Надо свекрови звонить, – сказала я Фросе и, шарахнув по двери ногой, истошнейше завопила: – Караул! Умираю!

И сразу выяснилось, что верзилы такие же люди, и у них есть любопытство: они мигом открыли дверь и нетерпеливо воззрились, желая узнать как я умирать собираюсь. Я умирать передумала и спросила:

– Есть среди вас Валет?

Интеллигентный ответил:

– Есть. Он у нас самый главный после батяни.

– С серьгой в ухе?

– Ага.

– А серьга в форме пениса?

– Точно, он прикольный, наш шеф Валет.

«Все сошлось, – мрачней, подумала я. – И кличка противная, обещает много плохого».

Пришлось осведомиться:

– А кличку он как получил? Неужели всех подряд валит?

Интеллигентный ослабился:

– Нет, Валет очень трусливый, всегда первым он сваливает, вот и прозвали Валетом его.

«Трусливый? Ну хоть где-то мне повезло», – подумала я и спросила:

– Он со мной как-нибудь связан, этот Валет?

Оборот речи совсем не из простых, согласитесь – верзилы мои призадумались.

– Он ее похищал? – подсказала им Фрося.

– Да-да, похищал, – закивал черепком Интеллигентный. – Он на нее мешок надевал.

– Все ясно, – констатировала я и кивнула верзилам: – Теперь вы свободны.

Интеллигентный заржал:

– А вы нет, – и вышел из комнаты.

Верзилы потянулись за ним. Дверь закрылась на ключ.

– А вот теперь позвоню свекрови! – воскликнула я и по-

звонила.

К ней вопрос был один: как узнала ты, старая шельма, про верзилу Валета.

Вопрос, разумеется, я задала в той форме, которая располагает к ответу: мамуся-дорогуся и прочее-прочее. Понимаю, что фальшь и цинизм, но пришлось: деваться-то некуда.

В ответ получила глас Вельзевула:

– Раз Роберт так сильно занят наукой, я сама решила за тобой последить.

– Вы и здесь ни на что не способны, – отрезала я. – Как вы следили, если с Валетом скрестили меня? Ведь с ним я единственной не общалась!

– Мне плевать с кем ты общалась! – заявила свекровь. – Оправдываться будешь перед Робертом, глупым сыном моим! Я же могу сказать только одно: мой детектив про Валета все знает и мне уже доложил. И еще детектив мой подслушал как ты набивалась в друзья к бандитам и мечтала сняться в порнухе.

Я восхитилась свекровью: «Ну, стерва, дает!» – и кротко спросила:

– Какой детектив?

– Тот, которого я наняла, чтобы вывести кое-кого на чистую воду. Пусть не думает Роби, этот мой сын, что жена у него святая. Уж теперь я все знаю! Узнает и он! Все! Все узнают!

Во дела! Все скоро узнают, а как же я? Я-то когда узнаю?

– Мамуля, – вкрадчиво ей говорю, – ну раз уж скоро об этом узнают какие-то все, так может и мне вы доверите страшную тайну. Что мой Роберт узнает?

Вельзевул мой взорвался:

– Не твой, а мой! Роберт мой! Только мой!

Чтобы не хватил старушку удар, пришлось пойти на компромисс.

– Хорошо, – отвечаю, – будем считать, что я Роби взяла в аренду у вас, а теперь скажите, пожалуйста, что он узнает, ваш Роберт?

– А то, что ты с детства мечтала сняться в порнухе! – выпалила свекровь и заверила: – Мой детектив все подслушал!

Мне стало обидно – пришлось сказать:

– Глупость вам страшно идет, с ней и живите. Если ваш детектив так усердно подслушивал, тогда он не мог прослушать того, как я насмерть сражалась. Визг на всю округу стоял, так раздеваться я не хотела.

– Раздеться ты предложила сама, – прогремел Вельзевул, – но бандиты глядеть не хотели на то, что ты называешь своей фигурой, и запретили тебе.

– Если речь зашла о фигуре, то я вам скажу: кто бы мне говорил! Сверху загар, а под ним полтора метра чистого сала! А объемы: 160-160-160 – талию делайте где хотите!

– Посмотрим, что будет с тобой лет через двадцать! – пообещала свекровь.

– Хотите сказать, лет через сорок? Ведь на столько вы старше меня?

Вельзевул мне мгновенно ответил, но услышать я не смогла: в нашу беседу встряла бедная Фрося.

– Ничего не пойму, – сказала она. – О чем вы говорите?

– Сразу поймешь, когда женщиной станешь, – ответила я и обратилась к свекрови, переходя прямо к делу:

– Как удалось вам узнать, куда я отправилась?

– Роберт, этот мой сын, рассказал! – злорадно заявила она.

Я взбесилась:

– Ах, Роберт! Этот мой муж! Он у меня получит!

– Ты регулярно ему не даешь!

– Он, наглец, и не просит! И теперь он еще посмел разболтать куда я поехала?! Будет ему развод!

– А тебе еще хуже будет! – интригуя меня, пригрозила свекровь и бросила трубку.

В отчаянии я завопила:

– Вот они, родственники! Как помогают в беде! Меня похищают, а детектив все это снимает на камеру! А у свекрови моей одно на уме! По себе стерва судит и ничего, кроме измены, не приходит ей в голову!

Фрося кое-что понимала, но вопросы от этого только лишь множились.

– Соня, что происходит? Ты мне скажешь? – спросила она.

– Конечно скажу! Эта мать Роберта наняла детектива, и теперь она в курсе, что здесь происходит.

– Это же счастье! – воскликнула Фрося, от радости захлопав в ладоши.

Конечно приятно, что еще есть на свете наивность, но пришлось внести ясность.

– Детка, – скорбно поведала я, – не хочу тебя разочаровывать, но не все в этой жизни так просто, как кажется на первый взгляд. Свекровь, эта мать Роберта, уверена, что мы здесь с тобой собрались на групповичок. Понимаешь? На пошлую групповуху!

– Она что же, не знает, что верзилы бандиты? – спросила Фрося растерянно.

– Знает конечно и от этого ей во сто раз обидней. Меня, ее невестку, жену этого Роберта, сына, черт побери, будут иметь не какие-то там «ботаники», зачуханные наукой, а сами бандиты, парни с железными яйцами! Вот как думает мой Вельзевул! И страшно завидует!

Фрося, бедная, поразилась:

– Да как же возможно так думать, когда нам на головы надевали мешки?

– Детка, – грустно ответила я, – разум ее так устроен, что только о сексе может думать она. Эта старушка мозгами застряла в подростковом периоде. Так бывает. Вокруг оглянись и увидишь немало шустрых старушек-тинэйджериц.

– Даже не верится.

– Ефросинья, поверь, даже если меня будут казнить и потащат на плаху, то и там эта стерва пришьет мне измену с

моим палачом! Она не поймет, что меня жизни лишают, потому что во всем видит только лишь ЭТО!

– А она вообще человек?

– Абсолютнейший, – заверила я, – доброта ей тоже присуща.

Тут Фросю мою нелепо вдруг осенило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.